первая среди лучших

Татьяна УСТИНОВА

Новое расследование Мани Поливановой

Судьба по книге перемен

Татьяна Устинова: Богиня прайм-тайма

Татьяна Устинова

Судьба по книге перемен

«Эксмо»
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Устинова Т. В.

Судьба по книге перемен / Т. В. Устинова — «Эксмо», 2022 — (Татьяна Устинова: Богиня прайм-тайма)

ISBN 978-5-04-161882-7

Маня Поливанова, она же известная писательница Марина Покровская, вынуждена помогать своей тете Эмилии, и это просто мука мученическая, потому что Эмилия – знаменитый экстрасенс, а Маня ни в какое ясновидение и колдовство решительно не верит! Однако тетины предсказания странным образом сбываются, проблемы ее клиентов решаются, чего нельзя сказать о самой ясновидящей: она погибает! Маня, обнаружив Эмилию убитой, берется отыскать преступника, но как это сделать, не имея ни дара ясновидения, ни талантов сыщика, ни даже надежных помощников? А впрочем, тетя говорила, что помощь непременно придет…

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-161882-7

© Устинова Т. В., 2022
© Эксмо, 2022

Татьяна Устинова
Судьба по книге перемен

© Устинова Т.В., 2022
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Вячеславу Умановскому
с благодарностью за долгие годы дружбы

– Чья это свинья?! Граждане! Господа! Товарищи! Чья свинья?! Кто её привёл?

– …Где, где свинья?

– Батюшки светы, и правда!

– Уберите свинью от прилавка!

Знаменитая писательница Марина Покровская – в миру Мария Алексеевна Поливанова, – протиснулась поближе, очень заинтересованная свиньёй.

Небольшая толпа возле колбасного отдела волновалась, все заглядывали себе под ноги, шарахались и возмущались. Какой-то мальчишка попятился и чуть не упал.

– Кш! Кш!.. Пошла вон!

Полная дама в шляпке ввинтилась в толпу и спросила с жаром:

– Соловья поймали?

– Какого соловья! Свинья забежала!

Маня заподозрила неладное, присела на корточки и заглянула под прилавок.

…Так и есть!

– Волька! Ну-ка вылезай оттуда! Сейчас же!

Небольшая белая свинка хрюкнула, навострила уши, припала на передние ноги, поползла, выбралась на свет и оказалась собакой.

– Господи, – сказал кто-то из зрителей с весёлым изумлением.

– Вот уродство!

Маня покраснела и потащила Вольку за поводок.

– Это порода называется мини-бультерьер, – объяснила она невесть зачем и невесть кому. – Английская собака, в Оксфорде пользуется большой популярностью…

– Женщина, выйдите! – пронзительно приказала продавщица. – Вы что, слепая? На входе русскими буквами написано – с собаками нельзя!

– Мы уходим, уходим!

Маня вытащила слабо упирающегося Вольку на улицу и накинулась на него с упрёками.

Волька слушал. Длинная морда, и впрямь немного похожая на свиное рыло, выражала неискреннее раскаяние.

Вскоре Мане надоело ругаться, она затолкала в рюкзак покупки, взгромоздила его на плечи и широко зашагала по Невскому в сторону Мойки.

Мини-бультерьер, английская собака, популярная в Оксфорде, бодро трусил за ней.

…Вообще-то в Питере собакам и их хозяевам было намного вольготней, чем в Москве. Конечно, с ними никуда нельзя, им всё запрещено, как и везде, но это официально. А неофициально – питерцы против собак не возражали, а поэтому всё можно!..

Просто сегодня Волька на самом деле вёл себя как свинья!

Народу на Невском было полно – весёлые толпы праздношатающихся туристов. На мосту кричали зазывалы, приглашали кататься на теплоходах и катерах, лоточники торговали пласт-

массовыми Винни-Пухами, китайскими веерами и морскими картузами, экскурсия, прикрывая глаза ладонями от солнца, смотрела в сторону кафе «Вольф и Беранже».

И жара!..

Маня вздохнула.

Какая красота! Поехать бы сейчас в парк на Елагин остров. Туда тоже с собаками нельзя – с ними никуда нельзя, но можно! – и есть один вход, где никогда не бывает сторожа. Провести Вольку контрабандой, а там – гуляй не хочу!..

Но гулять Маня не могла, хоть и хотела.

Она должна помогать тёте Эмилии. За этим и приехала в Питер.

Маня с Волькой свернули на набережную Мойки, где было совсем тесно от людей и машин, и почти не видно речку, сплошь утыканную катерами и лодками, словно брошенный цветной ящик окурками, промаршировали мимо пышечной – решено было худеть, и никаких пышек, только стебель сельдерея, молодой редис и бобовые – и вскоре оказались во дворе старинного трёхэтажного дома.

Маня посмотрела на часы.

Десять сорок пять. Ровно в одиннадцать тётя Эмилия начинает приём, а Маня запаздывает с завтраком. Сейчас ей достанется!

– Мария! – воскликнула Эмилия, как только Маня, отдуваясь, распахнула дверь. – Где ты была?! Я уже подумала было, что ты отправилась на пароходе в Гельсингфорс!

– Какой ещё Гельсингфорс? – под нос себе пробормотала Маня, скидывая кроссовки. – Мы были на Невском в Елисеевском магазине, тётя. Там очередь.

– Если ты будешь так себя вести, мне придётся написать Вике и отправить тебя обратно в Москву!

Викой звали ещё одну Манину тётю, которая приходилась сестрой Эмилии.

Маня освободила Вольку от поводка, тот встряхнулся, и неторопливой рысцой побежал в сторону кухни. Тётя Эмилия посторонилась.

– Что за ужас эта собака, – сказала она в сотый раз. – Зачем ты её завела? Кто тебе разрешил?

Эмилия обращалась с Маней так, словно племяннице было двенадцать лет и она вступала в сложный переходный возраст. На самом деле Мане давным-давно исполнилось тридцать пять, она писала романы, которые – вот чудо! – издавали и читали, подрабатывала на радио, давала интервью, состояла в жюри разнообразных конкурсов и фестивалей и считалась главой семьи, состоящей из двух тётушек, Маниного кавалера Алекса Шан-Гирея и самой Мани.

– Я сварю яйцо и сделаю бутерброды, – объявила Маня из кухни. – Иначе не успеем. Я лучше обед пораньше подам.

Эмилия присела на краешек стула с высокой спинкой. В кухне у неё была тяжелая, старинная, очень красивая и страшно неудобная мебель.

– Ты никогда ничего не успеваешь, Мария. Ты очень неорганизованная. Вся в мать. Та была точно такая же.

Маниных родителей давным-давно не было на свете, но упоминаний о них Маня не выносила – ей сразу становилось ужасно жалко себя, сироту, и она начинала сердиться на мать и отца, бросивших её на произвол судьбы.

Это было несправедливо – они не собирались её бросать, просто самолёт упал, – и Маня ещё чувствовала себя виноватой, что сердится и что тогда не летела с ними…

Такой вот клубок. Лучше не думать.

– Тебе яйцо всмятку или в мешочек, тётя?

– Какая разница. Всмятку, конечно. Нет, в мешочек.

– Хорошо.

– Нет, вкрутую! И свежий огурец. И кусочек колбаски. Ты принесла?

– Всё принесла, тётя.

– Опять чай! Терпеть не могу! Свари кофе.

– Тебе нельзя, у тебя давление.

– Можно подумать, нельзя найти кофе без кофеина! Давно бы купила!

– Я куплю, тётя.

Эмилия отхлебнула из чашки.

– Едим на кухне, – горько заметила она. – Как прислуга!

Маня покосилась на неё.

– В гостиной у тебя приём. Там никак нельзя…

– У меня сегодня большой приём, – объявила Эмилия с удовольствием. – Почти все постоянные. Я прошу тебя, Мария, всё записывай внимательно, ничего не перепутай! И запри, бога ради, эту собаку! В прошлый раз у неё так бурчало в животе, что я не могла сосредоточиться!

– Должно быть, это у меня бурчало, – сказала Маня, наливая чаю и себе. – С голоду.

Эмилия пропустила замечание мимо ушей.

– Что твой Алекс? Как он?

– Прекрасно, – сказала Маня бодро. – Пишет роман.

– Вот он… – Эмилия подняла указательный палец, словно указывая на потолок. Маня послушно посмотрела. Потолок был очень высокий и немного закопчённый.

– Вот Алекс, – повторила тётя Эмилия, чтоб стало ясно, что речь она ведёт не о потолке, – на самом деле писатель, Мария. Его «Запах вечности» можно перечитывать бесконечно! А чем ты занимаешься – непонятно.

– Я пишу детективы, – сообщила Маня. – Алекс пишет большую прозу, а я детективы. Их тоже многие читают и перечитывают!

Эмилия пожала плечами.

– Ты живёшь рядом с Алексом Шан-Гиреем и *тоже пишешь*. Всё равно что Софья Андреевна Толстая взялась бы за сочинительство и они со Львом Николаевичем писали бы наперегонки в соседних комнатах.

Маня засмеялась – представила картинку.

– Доедай и за работу, – распорядилась Эмилия. – Кто у нас первый?

Маня вытерла о джинсы пальцы, распахнула ноутбук, примостившийся на старинном буфете, и посмотрела таблицу.

– Ольга Александровна Ветрова с дочерью.

Эмилия покивала, лицо у неё стало серьёзным.

– Сложный случай, – сказала она. – Очень сложный. Давно над ним работаю, но пока… безуспешно.

Маня уже видела эту самую Ольгу Александровну – высокая худая блондинка с тонким, бледным, невыразительным лицом. Она приводила дочь, усаживалась в передней на банкетку и ждала, неподвижная, как сфинкс, охраняющий Неву. Маня выглядывала, чтоб посмотреть на неё: Ольга Александровна не шевелилась, не читала и не копалась в телефоне.

Просто сидела и ждала.

Мать с дочерью явились минута в минуту. Прозвенел звонок, Маня распахнула дверь.

– Здравствуйте, – промолвила Ольга Александровна. – Марфа, поздоровайся.

Девочка пробормотала невнятное.

Маня проводила их в гостиную, где были задёрнуты шторы, повсюду горели свечи и курились благовония. Эмилия, облачённая в восточные одежды, сидела в широком кресле, второе такое же стояло напротив – для посетителей.

Место секретаря – в данном случае Манино – было далеко, почти в эркере. Если чуть-чуть подвинуть тяжёлую ткань шторы, можно увидеть улицу и кусочек неба.

– Проходи, проходи, милая, – приветливо заговорила Эмилия, завидев Марфу. – Вот твои карандаши и альбом, помнишь, мы с тобой в прошлый раз рисовали?..

Мать усадила девочку и вышла. Марфа не обратила на неё никакого внимания.

Маня ждала у двери.

В её задачу входило принять посетителя, устроить сопровождающего, если таковой имелся, предложить чаю или кофе, затем потихоньку, через кабинет, незаметно вернуться в гостиную, на секретарское место и записывать всё, что она видит и слышит, в специальную таблицу.

Ольга Александровна привычно опустилась на банкетку, положила сумку на колени и замерла – приготовилась ждать.

Маня вздохнула.

– Хотите чаю? Или кофе? Есть минеральная вода и лёд! Будете?

– Нет, спасибо.

– Я могу бутербродов сделать.

– Спасибо, нет.

Маня опять вздохнула, прошла через кабинет и неслышно возникла в гостиной, где шёл сеанс.

Сильно пахло благовониями. Подле Марфы горел торшер, на коленях у девочки лежал альбом, она водила карандашом, вроде бы рисовала. Эмилия что-то говорила, очень тихо, не разобрать. Раскрытую ладонь правой руки она держала над курильницей и время от времени касалась ею макушки девочки.

Маня отвела глаза. Ей было невыносимо стыдно.

Тётя Эмилия работала – или как это правильно сказать? Служила, что ли?.. – экстрасенсом очень высокой пробы. Очень большой силы, что ли?..

Тётя обладала провидческим и целительским даром, проводила сеансы, гадала на идзине, Книге перемен, бросая стебли тысячелистника, а иногда на картах таро.

К ней обращались не только отчаявшиеся бедолаги вроде Ольги Александровны, но и большие люди, нуждающиеся в советах «по бизнесу», политики, желающие узнать будущее и обратить его в свою пользу, жены, разыскивающие утраченных мужей, наследники, алкающие припрятанных дедовских сокровищ. Эмилию знал весь Петербург, также к ней ехали из Москвы, из-за Уральских гор, даже из-за океана – последний толстосум как раз прибыл из Нью-Йорка и желал знать, что ждёт его бизнес после пандемии. Кажется, он владел покер-клубом.

Эмилия провидела будущее, заглядывала в прошлое и делала предсказания в духе Дельфийского оракула – ничего определённого, истолковать можно как угодно, в любую сторону. По крайней мере, так казалось племяннице.

Дело в том, что Маня Поливанова – известная писательница Марина Покровская – не верила в предсказания, пророчества и гороскопы. Даже Книга перемен вызывала у неё сомнения! Ну, что тут поделаешь!..

Впрочем, в случае с тётей Эмилией Маня рисковала остаться в полном одиночестве – поток посетителей увеличивался чуть ли не с каждый днём, приходилось записывать на полтора месяца вперёд, помощница не справлялась! Маню вызвали из Москвы на помощь, когда тётиной секретарше понадобилось вернуться на родину в Винницу, где у неё заболел кто-то из родных. Посторонних привлекать не стали, и Маня была брошена на прорыв. Она как раз только что сдала в издательство роман и собиралась славно отдохнуть. Тёти переговорили по телефону, пришли к выводу, что лучший отдых – это смена деятельности, и велели Мане собирать чемодан и отправляться.

Маня была взрослой, умной, самостоятельной, кроме того – популярной писательницей и вообще главой семьи. Но спорить с тётушками себе дороже, да и, честно признаться, Маня нуждалась не просто в отдыхе.

В последнее время она так устала от Алекса, гениального, тонкого, умного, занятого только собой и своими текстами, рассеянного, странного, волшебного, что ей потребовался перерыв. Занятия тёти Эмилии раздражали её донельзя, и она от души бесилась, выдавая свою усталость и раздражение от жизни с Алексом за неприятие тётиных упражнений.

Так проще, и не нужно вдаваться в собственные проблемы.

Не спросив Алекса, Маня завела мини-бультерьера, по слухам, очень популярного среди оксфордских профессоров и студентов, назвала его Вольдемаром, купила ему голубой ошейник Tiffany за бешеные деньги и дорогущую фарфоровую посуду, на что ни Алекс, ни Вольдемар не обратили никакого внимания.

Алекс, обнаружив в спальне щенка, пожал плечами и спросил, почему он так похож на поросёнка.

Волька, обнаружив в спальне Алекса, равнодушно его обнюхал и с тех пор перестал замечать.

Маня поняла, что демарш не удался.

– Между прочим, его нос очень похож на твой, – предприняла она последнюю попытку. – Видишь? Как у настоящего грузина! Или грека! И потом! Это охранная собака! Он будет меня охранять!

– Тебе угрожает опасность? – рассеянно осведомился Алекс, и больше к разговору о бультерьере они не возвращались.

…Маня почти задремала. Эмилия всё что-то бормотала, девочка водила рукой с карандашом, благовония курились, в комнате становилось душно. Окно открыть нельзя – аура! Кроме того, в окно могут ворваться неправильные звуки и колебания и спровоцировать выброс ненужной энергии.

– Мария!

Маня вздрогнула и вытаращила глаза.

– Мария, проводи Марфу к матери.

Маня выбралась из-за небольшого секретера – сидеть там с ее ростом было страшно неудобно, некуда девать ноги и бюст, – и взяла Марфу за руку.

Рука была тонкой, холодной и влажной, как лягушачья лапа.

– Ольга Александровна, – заговорила вышедшая следом Эмилия, – сегодня у нас особый день. – На слове «особый» она понизила голос. – День начала перемен.

Ольга Александровна безучастно посмотрела на прорицательницу.

– Да, да, – подтвердила та. – Пусть Марфуша останется у меня до вечера. Мария за ней присмотрит. Она порисует рядом со мной, за ширмой. Мне очень важно не потерять с ней контакт именно сегодня. Приходите к пяти часам.

– Сколько это будет стоить – до вечера? – спросила Ольга Александровна.

Мане показалось, что Эмилия немного смешалась.

– Как обычный сеанс, – быстро сказала она. – Идите и ни о чём не беспокойтесь.

Маня закрыла дверь, вновь взяла девочку за руку и отвела в кабинет. Посреди ковра радостно крутился вокруг своей оси небольшой белый бочонок – Манина собака.

– Ты любишь собак? – спросила Маня.

Марфа кивнула, Маня ничего подобного от неё не ожидала.

– Добрых, – произнесла девочка низким голосом.

– Волька – добрый пёс. Он ещё совсем щенок, года нет. Видишь, как он нам рад! Крутится!

Но Марфа уже потеряла к нему всякий интерес.

Маня вновь взяла девочку за руку, и они перешли в гостиную, где Эмилия вела приём. В углу, отделённом ширмой от посторонних глаз, располагался небольшой карточный столик с лампой. Маня зажгла лампу, усадила девочку за стол. Из небольшого розового рюкзака –

Марфа не расставалась с ним, даже с плеч его не снимала – девочка достала тетрадку с картинкой на обложке и положила рядом.

– Мария! – позвала Эмилия.

– Может, она есть хочет? – зашептала Маня, выскочив в коридор. – Или компоту ей налить? У нас есть вишнёвый!

– Она должна нарисовать то, о чём я её попросила. Не приставай к ней. Есть и пить у нас она не будет. Она ест и пьёт только то, что ей привычно, например, куриный бульон.

– Чем она больна?

Эмилия помедлила.

– Синдром Ли Шуня. Редкое заболевание нервной системы. Его выделили и описали китайцы в конце двадцатого века.

– Как аутизм?

– С чего ты взяла? Вовсе нет.

В дверь позвонили, Маня бросилась открывать, а Эмилия скрылась в гостиной – она редко выходила во время сеансов и считала, что посетители не должны видеть её мирно беседующей с племянницей в коридоре.

Следующим оказался крепкий, почти наголо бритый мужик, довольно молодой. Маня всё никак не могла привыкнуть, что к тёте Эмилии обращаются не только женщины, но и вполне приличные на вид мужчины.

– Я вас где-то видел, – сообщил посетитель Мане, и она быстро проводила его в гостиную.

Ещё не хватает, чтоб её узнали!..

Сергей Петрович намеревался узнать, жива ли его мать. Он вырос в приёмной семье, и вот теперь ему совершенно необходимо разыскать эту самую мать, если она ещё жива.

Маня старательно записала его просьбу, и пока Эмилия водила руками над фотографией предполагаемой матери, стала набрасывать в блокноте сцену для будущего романа.

…Тёмная комната, женщина и мужчина, со стен за ними наблюдают портреты, равнодушно ждут чего-то натюрморты. Чего они ждут? Тут какая-то тайна! Мужчина пришёл неспроста, а для того, чтобы…

– Эта женщина жива и здорова, – громко объявила Эмилия, сбив Маню с мысли. – Но она не ваша мать.

– Как?! Я точно знаю!

– Сергей Петрович, – продолжала тётя деловым, холодным, сдержанным тоном. – Зачем вы пришли ко мне? С проверкой? Из налоговой?

Посетитель вытаращил на гадалку глаза:

– Я же вам сказал…

– Женщина на фотографии жива и здорова, и она не имеет к вам никакого отношения, никаких родственных связей я не вижу. Зато я вижу, что ваши матушка с батюшкой совершенно благополучны и, если не ошибаюсь, сейчас где-то отдыхают. Не исключено, что у вашего батюшки проблемы с сердцем. Зачем вы пришли?

Сергей Петрович, кажется, растерялся немного, но быстро взял себя в руки и стал уверять Эмилию, что она ошибается и пришёл он исключительно чтобы найти свою настоящую мать, но Эмилия была непреклонна, а напоследок сказала и вовсе загадочное:

– Ходить с оружием – значит набиваться, чтобы в тебя стреляли.

И выставила посетителя вон.

– Как ты узнала, что его родители живы? – спросила Маня, когда негодующий Сергей Петрович удалился. – И что значит эта сентенция про оружие?

– Мария, я знаю, ты не веришь в мой дар, но он на самом деле существует.

– Тётя!

– Посмотрю, как там девочка.

В дверь позвонили, Маня открыла, охнула и отступила – в переднюю втиснулся человек-шкаф в черном костюме, за ухо заправлен витой шнур передатчика.

– Вы кто?!

Человек обшарил взглядом стены и двери.

– Это моё, – хохотнули за спиной человека-шкафа, – не пугайся, сестрёнка!..

Шкаф посторонился, пропуская девицу в белом облегающем костюме – брюки-клёш, жакет на голое тело, на выпирающих грудях разноцветные татуировки.

– Стой там. – Девица подбородком показала на лестничную клетку. – И передай им, что мне нужен гримёр! Понял? Пусть приезжает прямо к телику! И ждёт!

Тут Маня её узнала.

Ну, конечно же! Страшно модная новая блогерша Кара Ван, рассказывает о путешествиях, но не простых, а золотых – клиники красоты во Вьетнаме, спа в Дубае, очистительные процедуры в Индии, ритуалы омоложения на Бали, роды в морской пучине, мистические обряды в Индонезии, в общем, всё, что следует знать современной женщине о её красоте.

В интернете Кара Ван казалась высокой, устремлённой к небесам, лёгкой, как пёрышко.

В жизни она оказалась крепкой, бойкой девахой с низким голосом. Должно быть, поэтому Маня не сразу её узнала. Вот на что способны компьютерные фильтры!

– Слушай, – рассматривая себя в старинном тётином зеркале, заговорила блогерша, – принеси чего-нибудь попить, а? Есть вода с пе ашем семь и четыре?

Маня смотрела на неё сверху вниз – из-за гренадёрского своего роста – с изумлением.

– Ну, вода, – пояснила Кара. – С уровнем Ph 7,4? Есть?

– В кране есть вода, – мстительно сообщила Маня. – И в бутылке есть. Называется «Боржоми». Вам из крана или из бутылки?

– А капучино есть? Без кофеина и на кокосовом?

Маня развела руками. Ей становилось смешно.

– Могу ромашку заварить, очень полезно при запорах и от нервов. Не страдаете?

– Мария, – позвала из комнаты Эмилия напряжённым голосом, – проводи ко мне гостью!

Неожиданно девица потянулась и сделала попытку хлопнуть Маню по плечу, но достала только до середины спины, получилась неловкость. Засмеялась и зашла в гостиную.

Кара Ван желала узнать, что на уме у нового мужчины её жизни по имени Ясон. Их познакомили на вечеринке в Монако, куда Ясон прибыл со своим танцевальным коллективом.

Маня всё старательно записала.

Оказавшись наедине с прорицательницей, благовониями, полутьмой и Книгой перемен, Кара Ван вдруг занервничала и стала облизывать губы. Эмилия долго и внимательно смотрела на неё. Кара совсем стушевалась и начала возиться в кресле, словно из него торчало шило, впивалось в дивной красоты задницу, полученную путём шаманских камланий вблизи водопадов Замбии.

Эмилия повела речь издалека, зачем-то прошлась по родителям Кары и её родственникам в Кишинёве, потом рассказала о первом муже-хоккеисте – Маня не слушала, всё это было более или менее известно, можно найти в интернете.

Она ждала с нетерпением, как тётка станет выкручиваться с Ясоном. В конце концов, вопрос предельно простой – подходит Ясон Каре, а Кара Ясону или не подходит!

И Эмилия выкрутилась!

Она велела Каре приходить ещё раз, ибо в настоящий момент как следует не может рассмотреть – где-то там стоит некий блок.

Удивительное дело, но Кара обрадовалась и попросила немедленно записать её на «через неделю», потому что за это время ей нужно «смотаться в три места».

Маня записала.

– Зачем ты назначила ей второй сеанс? Придумала бы что-нибудь, да и все дела! – Разочарованию Мани не было предела. – Ты всё равно не сможешь за неделю узнать, что за человек этот Ясон!

– Дрянь-человек, – отрезала Эмилия. – И познакомили их специально, чтоб её с толку сбить и денежки прикарманить. Она работает с утра до ночи и зарабатывает не просто хорошо, а отлично!..

– Так сказала бы ей!

– Мне тоже нужно зарабатывать, – объявила тётка. – От неё не убудет, а мне прибыток! Пусть ещё разочка два придёт, а я как раз подумаю, как бы ей помягче сказать. Влюблена она в этого Ясона, я же вижу.

Маня рассердилась и, чтоб не вступать в перепалку, отправилась посмотреть, как дела у ребят, Марфы и Вольки.

Марфа за ширмой не рисовала, а что-то писала в своей тетрадке, даже голову не подняла. Зато Волька, когда Маня заглянула в кабинет, так обрадовался, так закрутился посреди ковра, что потерял равновесие и брякнулся на бок с гулким звуком.

Маня обняла горячее, плотное, мускулистое тельце, потёрлась носом, понюхала – ей страшно нравился запах Вольки, должно быть она ненормальная! – и велела ему сидеть тихо.

Волька так сидеть отказался – уже насиделся, достаточно!

Он принялся неловко вскидывать упористые передние лапы Мане на джинсы, тыкаться рылом, похожим на свиное. Было совершенно понятно, о чём он толкует – когда же, когда мы пойдём гулять по городу и гонять голубей в сквере на Конюшенной или хотя бы за роман засядем! Вольке нравилось писать с Маней роман – она стучала по клавишам ноутбука, а он часами дремал у неё на ноге, такая красота!..

Маня и погладила, и поцеловала, и пошлёпала, но Волька не унимался, и открывать дверь следующему просителю они отправились вместе. Тётя ей всыплет, как пить дать!..

– Господи, – перепугалась женщина средних лет, очень просто одетая, с нелепой сумкой на боку. – Уберите, я собак боюсь!

– Он не тронет, не беспокойтесь.

– Нет, нет, я не войду, я боюсь!

Маня отволокла Вольку обратно в кабинет, где он сразу же принялся кидаться на дверь.

– Проходите вот в эту комнату.

Оглядываясь по сторонам, женщина старательно вытирала ноги о коврик, а потом долго расшнуровывала кеды.

– К нам можно в обуви, – в третий раз сказала Маня, прислушиваясь к шуму, который производил её пёс в кабинете. За шум тётя тоже всыплет!

– У вас паркеты вон какие, – пробормотала женщина, – что ж я уличную грязь на них потащу!..

Звали её Виктория Павловна, она служила в бухгалтерии какого-то завода. По её мнению, злая колдунья наложила на неё «венец безбрачия», и она просила Эмилию его снять.

Напрасно тётка уверяла, что никого венца на ней нет, Виктория Павловна точно знала, что есть.

– Это она меня прокляла, – всхлипывала просительница, – соседка из Паршино! Когда мы на картошку приехали! Она за Вадика замуж собиралась, а он меня увидел и полюбил. И в город за мной уехал! А она к колдунье пошла! Чтобы меня… погубить! Я знаю! С тех пор замуж выйти не могу, ну, вот никак! Сделайте хоть вы что-нибудь, снимите этот венец проклятый!..

Эмилия думала, пристально глядя на женщину. Та плакала.

Маня притаилась за своим секретером, просто замерла. Ну, хорошо, Кара Ван может приходить до бесконечности, и также до бесконечности приносить денежки, от неё правда

не убудет, а эта тётка? Она явно не сможет постоянно платить ясновидящей гонорары! Как Эмилия станет выходить из положения?..

– Венца безбрачия нет, – проговорила Эмилия сурово и внушительно. – Да его и мало кто может наложить, деревенской колдунье это не под силу!

– А как же?! Почему ж тогда замуж-то никто не берёт?!

– Сейчас посмотрим.

И Эмилия принялась раскладывать карты.

Вердикт оказался более чем расплывчатым – вроде бы, Виктория Павловна вскоре выйдет замуж, но только если не изменится энергетический поток, который должен привести к ней избранника, а он вполне может измениться от того, что у Виктории Павловны на уме какое-то тёмное дело, о котором Эмилия толком сказать ничего не может, потому что сейчас оно скрыто от её глаз.

– Да какое же у меня может быть тёмное дело? – перепугалась Виктория Павловна.

– Вы подумайте, – велела Эмилия. – Вспомните, кого вы осуждаете или про кого плохо думаете. Или, может, за что-то невзлюбили. Образ придёт к вам сам собой, вы просто должны думать.

– И… дальше что?

– Попросите прощения.

Лицо Виктории Павловны выражало огромное, болезненное разочарование. Мане было её ужасно жаль.

Но, оказывается, Эмилия припрятала в рукаве козырь.

– А вот это, – и она подала со стола склянку, – специальное масло. Накапать в воду и греть на свечке. Оно улучшает и просветляет ауру. А это, – тут Эмилия достала какой-то листочек в файловой папке, – дыхательные упражнения. Делать, пока свечка горит.

Виктория Павловна оживилась.

– Через месяц ко мне, – продолжала Эмилия. – Если образ раньше явится, приходите сразу.

– Приду! – словно поклялась Виктория Павловна, прижимая к груди пузырёк и папочку.

– А сейчас, – продолжала Эмилия, – ступайте мимо Спаса на Крови, мимо Инженерного замка…

– Да мне совсем в другую сторону, мне в метро!

Эмилия взмахнула рукой, останавливая просительницу.

– Возле входа в парк всегда стоит лоток с мороженым. Обязательно купите мороженое и съешьте. Только это обязательно. Понятно?

– Понятно, – зачарованно согласилась Виктория Павловна.

Вот наконец волшебство-то! Всё на месте – и склянка с особенной жидкостью, и листок с заклинаниями, и странное задание!

– Тётя, – громко сказала Маня, закрыв за Викторией Павловной дверь, – вот тебе не стыдно? Совсем, ни капельки?

– Чего именно я должна стыдиться, племянница?

– Ты же… ты же выдумываешь всё! Она купит это самое мороженое и будет ждать перемен. Она же верит! А ничего не будет, никаких перемен! И муж у неё от мороженого не появится!

– Ну, – неопределённо сказала Эмилия, – мы посмотрим.

– Дыхательные упражнения, капли из аптеки! Это же такое… надувательство! Что ты станешь делать, когда она опять придёт?

– Ты запомни её, Маня, – вдруг сказала Эмилия добрым голосом. – Она больше не придёт.

– Как?! Ты же ей сказала приходить! И этот самый… образ врага! Она должна что-то такое вспомнить и попросить прощения! Я же слышала!

– Она больше к нам не придёт. Ей будет не до нас. У неё будут свадебные хлопоты.

– Тётя!

– Ммм?.. И прошу тебя, когда я работаю, не выпускай своего урода! Он сбивает тонкие настройки!

Маня зафыркала носом от возмущения, помчалась на кухню, залпом выпила стакан ледяной газированной воды, задохнулась, икнула и прикрыла рот рукой.

…Вот так тётка! Вот так Эмилия! Выходит, ей совсем, нисколечко не стыдно?! И неловкости никакой нет?!

Нужно написать об этом роман – об обмане, в который сам обманщик верит так истово, что в какой-то момент перестаёт считать его обманом, и стыдиться тоже перестаёт!

Впрочем, высокие материи больше по части Алекса Шан-Гирея, чем Марины Покровской! Он велик, а она даже на роль Софьи Андреевны, жены писателя, претендовать не может!

Следующим явился тот самый толстосум из Нью-Йорка, который беспокоился за свой покер-бизнес.

– Я вас знаю, – с порога заявил он Мане. – Вы писательница. Пишете классные штуки! Спасибо вам.

– Пожалуйста, – пробормотала оторопевшая Маня. – Я стараюсь.

– Лев. – И посетитель сунул ей руку. – В смысле не царь зверей, а имя такое! Лев Сергеевич Граф. В смысле не титул такой, а фамилия! Я Лев Граф. Граф Лев. Ужас, да?

Маня смотрела на него во все глаза.

Он улыбнулся. Зубы один к одному, как на плакате в кабинете дантиста. Американские такие зубы.

– Проходите! – спохватилась Маня, оторвалась от его улыбки и широким жестом пригласила в гостиную.

Лев Граф – Граф Лев – в кресле напротив Эмилии чувствовал себя абсолютно вольготно. Ни восточные одежды, ни благовония, ни тысячелистник и гадальные карты, казалось, нисколько его не смущают.

– Дорогая Эмилия, вам привет от Старкова, – первым делом объявил посетитель, – ну тот, который из правительства.

– Я понимаю, – отозвалась Эмилия.

– И разговор у меня сугубо… конфиденциальный. Я хотел бы поговорить без свидетелей.

Маня стала выбираться из-за секретера. Хлипкая крышка как назло приподнималась, падала, не давала выбраться.

– Моя племянница нам не помешает, – сказала Эмилия твёрдо. – Вы же знаете, мне необходимо присутствие помощника, который ведёт запись, чтобы потом работать с вашей проблемой.

– Ещё и запись! – воскликнул Лев и, кажется, попытался всплеснуть руками. – Совсем не годится, дело очень важное. Могу я всё же настоятельно попросить вашу… э-э-э… племянницу удалиться? Кстати, она пишет превосходные романы!

Если б он не упомянул о романах и не назвал их превосходными, Маня осталась бы на месте, честное слово! Но он упомянул, и она всё же победила дурацкую крышку, захлопнула секретер и вышла в кабинет.

У-у-уф!..

Волька караулил у двери в коридор, поэтому Маню проглядел, а когда обнаружил, впал в неистовство.

Маня проделала всё необходимое – дала поскакать, покидаться с объятиями, вынесла мокрые собачьи поцелуи, – взяла бультерьера под мышку, вышла в коридор, опустилась на банкетку для посетителей и посидела немного.

Как много странных людей вокруг! Её собственная тётка – очень странный человек! Она ведь, честно сказать, мошенница, а ведет себя как царица египетская, похоже, что и чувствует себя соответственно.

А просители? Или кто они?.. Пациенты?

Девочка Марфа с редкой болезнью нервной системы, её завороженно-гранитная мамаша, бухгалтерша, отправившаяся покупать мороженое, потому что ей так велели! Этот самый Лев, узнавший Маню в первую секунду, – неужели он тоже верит в тёткин дар ясновидения?!

Ведь ясно ежу, что дара никакого нет и быть не может! Как не может быть никаких тонких настроек и ауры, которую искривляет открытая форточка!

В дверь позвонили, Волька завертелся и бодро тявкнул. Маня взглянула на часы – для следующего странного человека ещё рано, только что начался сеанс с Графом Львом! Кто бы это мог быть?

На пороге стоял совсем молодой парнишка в форме.

– Эмилия Дмитриевна Поливанова?

– Нет. – Маня покрепче перехватила Вольку, который с упоением брехал и рвался. – Я её племянница.

– Паспорт есть?

– Тихо! – прикрикнула Маня на бультерьера. – Замолчи!

– Паспорт Эмилии Дмитриевны Поливановой есть?

Маня отступила в переднюю, опустила Вольку на пол – тот сразу залаял ещё неистовее. Паренёк шустро спрятался за дверь.

– Уймись ты! – приказала Маня Вольке. – Вот найду тебе кинолога, будешь знать! Замолчи!

Из верхнего ящика комода она вытащила тётин паспорт и показала парнишке.

– Доставочка вам, – сообщил парнишка, даже не взглянув на имя в документе. – Распишитесь вот там, внизу.

– Да вы заходите.

– Не, он меня укусит.

– Волька, замолчи!..

Маня расписалась «вот там, внизу», парень сунул ей небольшую коробку, всю заклеенную липкой лентой, и дунул вниз по лестнице.

– От кого доставка-то? – вслед ему прокричала Маня.

– А я почем знаю! – бодро отозвался курьер, эхо отдалось от стен подъезда. – Вам видней!

Маня закрыла дверь, повертела коробку так и сяк, пристроила на комод и пожала плечами.

– Вот что ты орёшь? – накинулась она на пса, который больше не брехал, а крутился вокруг неё, всем своим видом выражая удовольствие и радость. – Ты должен быть умным животным! У нас большие планы, соображаешь? Мы осенью в Анапу приглашены на фестиваль молодых кинематографистов! Если ты станешь на всех попусту лаять, тебя на фестиваль молодых кинематографистов не пустят! Понял?

Волька ничего не понял, и Маня вздохнула. Ей очень хотелось есть и на улицу выйти.

Ни то ни другое было нельзя.

Обедать среди рабочего дня, да ещё без тёти, она считала подлым предательством, и уйти тоже нельзя, впереди ещё один посетитель. Или посетительница.

Маня прошагала на кухню, взяла из корзины яблоко, откусила огромный кусок – сок брызнул на футболку. Маня неловко смахнула капли пятернёй и позвонила Алексу.

Тот долго не брал трубку, а когда ответил, выяснилось, что он спал и Маня его разбудила.

– Как спал? Время пятый час!

Алекс помолчал.

– Ты что, ночью не спал?

За ним такое водилось, время от времени он впадал в бессонницу, ложился после полудня и спал до вечера.

Маня этого терпеть не могла. Ночная Алексова жизнь её пугала.

– Алекс?

– Зачем ты звонишь, Манечка?

– Поговорить с тобой.

Он опять замолчал.

Маня знала, что он так может промолчать и час, и два, и до вечера.

– Как твоя работа?

– Никак. Я не работаю.

– Почему?

– Не знаю.

…Вот и весь разговор. Не работаю, не знаю, дела никак.

– Приезжай ко мне! – предприняла последнюю попытку Маня. – Вот прямо сегодняшним «Сапсаном» приезжай, Алекс! Я съеду от тёти, и мы станем широко жить в отеле!

– Почему ты всё время веселишься, Маня?

– А что мне остаётся? – пробормотала писательница Покровская. – Только ликовать.

– С твоего разрешения, я ещё посплю немного. До свидания, Маня.

– До свидания, Алекс.

Маня сунула телефон в задний карман джинсов, ещё раз откусила яблоко, боком приткнулась к столу и ссутулилась.

Ей очень хотелось плакать. Ещё не хватает!

Она подхватила Вольку под передние лапы, проделала танцевальное па, пальцем нажала в середину розового собачьего носа, словно в звонок позвонила, бравурно пропела «Здравствуй, страна героев, страна писателей, страна учёных!»

И не стала плакать.

Из коридора послышались голоса – должно быть, тётя и Лев закончили свой секретный сеанс.

Секретный рассказ Толстого «Лев и тётя» – пронеслось в голове у Мани.

– Мария, проводи. Значит, до завтра, Лев Сергеевич.

– Да, да, до завтра.

Мане показалось, что Эмилия странно взволнована, даже покраснела. С чего бы? Или, может, разговор со Львом вышел трудным?..

Как только Эмилия скрылась в гостиной, Лев приложил правую руку к груди и сказал проникновенно:

– Марина, у меня нет с собой книги, но завтра я непременно захвачу. Вы дадите мне автограф?

– Конечно.

– А какой принести роман? Который вам особенно дорог?

Маня развеселилась:

– У вас подборка?

– Я люблю детективы.

– Вот уж несовременно, – заметила Маня. – Сейчас читать немодно. Сейчас модно снимать ролики. И слушать певицу Клаву Коку. И гадать на картах таро.

– Возможно, возможно, – любезно согласился Лев. – Так какую книгу?

– Мне нравится роман «Всё ничего!», – призналась Маня. – Я была в таком хорошем настроении, когда его писала!

Он опять улыбнулся во все свои немыслимые зубы и распрощался.

– Боже, какой мужчина! – пропела Маня громко. – Суну его в корзину! Понесу его к лесу и брошу там к бесу! Тётя, зачем он приходил, этот тип? – крикнул она, допев. – Что ему нужно?

– Мария, не кричи, у нас в доме гостья.

Маня вдвинулась в гостиную.

– Ну?

– Я не могу тебе повторить его просьбу. Она правда конфиденциальная.

– И ты назначила ему прямо на завтра?

Эмилия кивнула, как показалось Мане, нехотя.

– Я планировала завтра поехать за город, но придётся остаться. Да, да, придётся.

Маня вздохнула – плакала её прогулка по парку Елагина острова! Опять они с Волькой проторчат весь день в квартире.

– Тебе здесь делать будет совершенно нечего, – словно отвечая на Манины мысли, проговорила тётка. – Он не хочет, чтоб о деле знал кто-то ещё, кроме меня.

Маня возликовала.

– То есть завтра я свободна?

– С самого утра.

– Ура! Я вечером сварю куриный бульон и оставлю тебе.

– Мария, я не ем во время работы. Еда отвлекает и сбивает настройки поля.

– Ох уж это поле! Да! Тебе посылка! Вон там, на комоде! Я сейчас принесу.

Эмилия покрутила в руках свёрток, пытаясь рассмотреть от кого, и обрадовалась:

– Должно быть, от Лары из Иерусалима. Господи, из-за этого проклятого вируса мы не можем встретиться уже год! Подай мне ножницы!

В посылке оказались финики и сувенирчик – символическое изображение женской ладони в рамочке и под стеклом.

– На Ближнем Востоке считается, что «рука Фатимы» приносит счастье и удачу, – заметила тётя. – Отнеси в кабинет или на кухню.

Вот так всегда, – подумала Маня, пристраивая сувенирчик на книжную полку, – стараешься, покупаешь всякие штучки, заворачиваешь, надписываешь – при это почему-то обязательно забывается индекс и что-то непременно нужно уточнять, то ли номер дома, то ли номер квартиры, – отправляешь, а тот, ради кого всё это проделывалось, засовывает подарок подальше с глаз или передаривает!

Полюбовавшись на «руку Фатимы», Маня прошла в гостиную и заглянула к Марфе за ширму. Девочка никакого внимания на Маню не обратила, даже головы не подняла.

Она писала очень крупными буквами, словно страдала близорукостью. Из написанного Маня не разобрала ни слова, хоть и старательно заглядывала Марфе через плечо.

– Хочешь пообедать?

Марфа никак не отреагировала.

– А чаю? Может, хочешь чаю с пышкой?

Никакой реакции.

Маня вздохнула.

– Ну, ты зови меня, если чего-нибудь захочется. Я Маня. Ты сразу кричи – Маня, Маня!..

И вышла.

Последним на сегодняшний день посетителем оказалась уверенная женщина, скорее молодых, чем средних лет.

– Ирина, – представилась она и пожала Мане руку. – Куда проходить?

Маня провела её к Эмилии, сама пробралась через кабинет, не забыв спросить у Марфы, не хочет ли та пообедать. Девочка продолжала писать. На появления и исчезновения Мани и бультерьера она совсем не реагировала.

– …таким образом я не знаю, на что мне решиться, – Посетительница, по всей видимости, заканчивала излагать свою проблему. – Что вы посоветуете? Или ваши… ммм… карты посоветуют?

Эмилия молчала, рассматривала гостью.

– Я бы сама, конечно, никогда не пошла к гадалке, – продолжала та очень бойко, – но моя подруга когда-то была у вас, и всё, что вы ей сказали, оказалось правдой. И всё сбылось! Она меня заставила, можно сказать.

Эмилия ещё немного помолчала, а потом проговорила задумчиво:

– Какой вопрос вы хотите задать?

Посетительница удивилась:

– Так я же вам объясняю!

– Вы говорите, что собираетесь поменять работу. Так, понятно. А вопрос какой?

«Ирина меняет работу», – старательно записала Маня в таблицу.

Есть хотелось всё сильнее, и от благовоний, духоты и разговора с Алексом у неё болело в затылке, тяжело, противно, словно туда ртуть наливали.

Ирина немного повысила и без того громкий голос:

– Я хочу знать, имеет ли смысл сейчас менять работу. Я не понимаю, соглашаться мне на предложение или нет. На нынешнем месте меня всё устраивает, абсолютно всё! Но там – перспективы! А в наше время перспективы – это важнее!

Эмилия вздохнула и потянулась к картам.

– Совсем не работа у вас на уме.

– Что?..

– Ваш коллега… нет, скорее начальник, женат и разводиться не собирается.

Посетительница оторопела:

– Что… такое?

– А новую работу и впрямь нужно подыскать. Оставаться на прежнем месте вам нельзя, – продолжала Эмилия. – Вы погибнете.

– Как?!

– Уходите, – велела ясновидящая. – И не приходите больше. У вас на уме тёмное дело, я не хочу в нём участвовать.

Маня наблюдала за происходящим со всё возрастающим интересом.

Ирина вдруг подалась вперёд и спросила, не отводя от Эмилии глаз:

– А если я заплачу? Очень хорошо заплачу!

– Я в тёмных делах не участвую.

– Я могу предложить вам столько денег, сколько вы за всю жизнь в руках не держали.

– Уходите, – повторила Эмилия.

Ирина ещё немного посидела, потом поднялась и вышла, не говоря ни слова.

– Тётя! – воскликнула Маня. – Что за драму ты сейчас давала?! Или что это было? Детектив?

На лице у Эмилии было написано изнеможение, словно она весь последний час тянула против течения гружёную баржу.

– Дай попить.

Маня помчалась на кухню и принесла нарзану и корвалол.

– Да что такое случилось, тётя?!

Эмилия отвинтила крышку с пузырька, глотнула прямо из горлышка и поморщилась. По комнате поплыл больничный запах эфира и валерьянки.

– Запей, запей!

– Так бывает, – отдышавшись немного, проговорила Эмилия. – Они приходят… с чёрным делом. А это… опасно. Это воронка, понимаешь? И пока она открыта, нужно смотреть, чтобы оттуда никто не пробрался сюда, к нам.

– Я открою окно.

– Если их не сдерживать, они могут натворить дел.

– Кто? – безнадёжно спросила Маня.

– Демоны, – ответила Эмилия. – Они небольшие, конечно! Мелкие бесы. Но если их впустить, будет беда.

Маня хотела пошутить про мелких бесов, но не стала.

В пять часов явилась Ольга Александровна и забрала Марфу вместе с её тетрадкой и розовым рюкзачком, который так и торчал весь день у девочки за спиной.

– Значит, до послезавтра, – попрощалась Эмилия. – Мне как раз нужно с вами поговорить. Но сегодня сил нет, день был очень трудный. А послезавтра поговорим.

Ольга Александровна кивнула, взяла Марфу за руку, и они молча пошли вниз по лестнице.

– Но ведь ты же её не вылечишь, – грустно сказала Маня. – Врачи должны лечить болезни, а вовсе не ты…

– Китайские практики ей помогают, – возразила тётка. – Им бы хорошо ещё на иглоукалывание – у меня есть потрясающий кореец! Но всё это стоит денег, а мать в школе работает.

– Не бери с них денег!

– Я стараюсь брать понемногу.

– Никаких не бери!

– Мария, ты глупа. – Эмилия прикрыла дверь в гостиную, где вечерний солнечный ветер полоскал занавески, выдувал благовония, настройки и ауры. – Есть законы, которые я не могу нарушать, не смею.

– Тётя, ты в любом случае нарушаешь все законы на свете! Ты морочишь людям головы за деньги! Это что? Не нарушение законов?

Эмилия стащила с головы тюрбан, аккуратно поставила его на полку и поводила над ним руками, словно смахивая невидимые пылинки.

– Мне нужно много воды, сегодня был правда очень трудный день. Я пойду в душ, Мария.

Маня отправила сегодняшнюю таблицу на почту – так было заведено у тётки: самой себе отправлять, чтоб файлы не потерялись, и направилась на кухню. Там она сгрызла ещё одно яблоко, достала из холодильника заранее припасённый фарш и принялась лепить котлеты.

Они ей всегда удавались и выходили пышными, словно июльские облака. Алекс очень любил котлеты.

Когда появилась Эмилия, у Мани всё было готово – стол накрыт, салат нарезан, пёс накормлен.

– Ужасный урод, – сказала про пса Эмилия и поморщилась. – Зачем ты завела такого? Чтобы досадить Алексу?

– Наоборот! – пылко вскричала Маня. – Они похожи! Смотри, какой у Вольки нос! Не нос, а целый носище! Как у Алекса.

Эмилия уселась, закинула ногу на ногу и вооружилась ножом и вилкой. В домашнем костюме с рожами и молниями – подарок племянницы, – с мокрыми волосами и без косметики тётя-ясновидящая была похожа на абсолютно нормального человека.

– Вкусно, – сказала Эмилия про котлету. – Ты делаешь успехи, Мария.

– Успехи я делала в школе, – язвительно сообщила Маня. – А сейчас я уже взрослая.

– Если Лев тебя пригласит куда-нибудь, сходи с ним, – неожиданно выдала Эмилия.

Маня развеселилась:

– Что-о-о?! Вот с этим самым, который Граф? Граф Лев?! Тётя, за кого ты меня принимаешь! У него одно только имя – моветон.

– Сходи, Мария.

– Да никуда я с ним не пойду, что ты?! И приглашать он меня не собирается! И вообще я завтра вольноотпущенный со службы, правда же?

Эмилия кивнула.

– А это значит, – продолжала веселиться Маня, – мы с ним больше не увидимся.

– Увидитесь.

– Тётя, – слёзно попросила племянница, – ну, хоть за ужином брось ты изображать мойру или дельфийского оракула! Съешь ещё котлетку!

– Мы же собирались худеть.

Маня взмахнула вилкой:

– Ну что, и собирались! Мы и худеем – целый день ничего не едим, а под вечер трескаем котлеты! Ты бы лучше наколдовала, чтоб мы стали стройные, как… как… киренейские лани!..

– Ничего не выйдет, – сообщила Эмилия. – Мы такие, какие есть, – за нами поколения предков, их отменить никто не в силах.

– То есть все мои прапрабабки и прапрадедки были ростом с сосну и весом с чугунный мост?! Как я?!

– Да.

Такого ответа Маня никак не ожидала.

– Откуда ты знаешь? Ах, ну да, ты же прозреваешь глубь веков… А погадай мне на картах таро!

– Не стану.

– Почему?

Эмилия вздохнула:

– Близким не гадают. И потом! Пока не задан вопрос, у судьбы есть выбор. Если её спросить, то есть погадать, она должна будет ответить, и выбора у неё не останется. Понимаешь?

Маня смотрела на Эмилию очень внимательно. А та вдруг предложила:

– Давай выпьем вина, Мария. В холодильнике «Дом Периньон».

Маня с готовностью согласилась выпить, но только не «Дом Периньон», конечно.

– Лучше прибережем на Новый год, – рассудительно сказала она.

Эмилия сама вытащила шампанское из холодильника и очень ловко и деликатно открыла.

Вино оказалось превосходным – игривым, лёгким, шаловливым.

– Я сейчас позвоню Лидочке, – проговорила Эмилия, когда они с удовольствием сделали по глотку. – Это моя подруга Лидия Леонтьевна. Она работает в «Астории», кажется, директором по гостям.

– Какие у тебя подруги!..

– Лидочка приютит тебя на завтрашнюю ночь.

Маня поставила фужер и задрала брови:

– Тётя?! Ты выгоняешь меня из дома в степь? На мороз? У тебя что, завтра свидание?!

– У меня завтра трудный день, – сказала Эмилия, – и я не знаю, когда он закончится, может быть, довольно поздно. Я не хочу, чтоб ты не вовремя явилась и сбила мне…

– Настройки, – подсказала Маня. – Испортила воздух и ауру!

– Вот именно. Да и переночевать в «Астории», по-моему, было бы отлично. Ты же любишь… красивую жизнь.

– Сто лет красиво не ночевала в «Астории».

– Вот именно. Лидочка всё устроит, и нам не придётся платить за номер сумасшедшие деньги.

Перспективу оказаться – хотя бы на одну ночь! – в любимом отеле, в номере с видом на Исаакиевский собор, с просторной ванной, круассаном и байонской ветчиной на завтрак, с возможностью посидеть с книжкой в ротонде, лениво читая и разглядывая посетителей, а потом прогуляться с собакой в небольшом ухоженном сквере Маня нашла столь ослепительной и блестящей, что трижды прокричала «ура!» и отсалютовала тётке фужером.

Но этого ей показалось недостаточно, и она вскочила и поклонилась.

– Будет тебе, – проговорила Эмилия с усталой улыбкой. – Уймись.

Но Маня не унималась и даже спала плохо – всё мечтала о завтрашних «каникулах Бонифация», об «Астории», о шикарных прогулках и вспоминала сегодняшний длинный день.

Зачем приходил Сергей Петрович, самый первый посетитель, и кто он такой вообще? И что за странную фразу сказала ему Эмилия: «Ходить с оружием – значит, набиваться, чтобы в тебя стреляли?» Что нужно было Ирине, от какого «тёмного дела» тётка отказалась наотрез?.. Какие секреты поведал Лев Граф, и почему понадобилась срочная встреча назавтра? С чего Эмилия взяла, что кавалер блогерши Кары Ван подлец и стяжатель? Зачем незамужняя Виктория Павловна должна купить мороженое в лотке возле решётки Инженерного замка?

Утро началось низкими тучами и сильным ветром. Всё лето шпарило солнце и жара казалась почти невыносимой, а тут – на тебе!.. Именно в тот день, когда задуманы роскошные прогулки по паркам и садам, а также рекам и каналам, того и гляди дождь пойдёт!

Несправедливо!

Впрочем, Маню Поливанову никогда не огорчала погода – так уж она была устроена. Ей всегда всё нравилось – вёдро, ненастье, книги, спектакли, люди, собаки, поезда и автомобили.

Алекс считал её жизнерадостность примитивной и слишком нарочитой, и время от времени Маня изо всех сил старалась выглядеть несчастной, разочарованной и роковой – чтоб соответствовать. Хватало её ненадолго, она принималась радоваться и приходить в восторг, начисто забывала о роли.

Вспомнив, она с грустью констатировала, что роль ей не по силам, она умеет только интересоваться и радоваться жизни, а презирать и ненавидеть её не умеет и даже толком изобразить это не может, а ведь любой мало-мальски приличный писатель просто обязан воспринимать жизнь как трагедию!

Так как Алекс отсутствовал, изображать роковую и усталую женщину у Мани не было никакой надобности.

Она быстро и радостно собралась – узкие туфли, новые джинсы и белая рубаха с кружевами полезли в рюкзак, в этом она станет проводить свой вечер-люкс. Штаны с отвисшей задницей, на которой напечатаны какие-то загадочные цифры, – страшно модная нынче штука, широченная толстовка, которая даже на здоровенной Мане выглядела как с мужского плеча, кроссовки и кепка. Ужин и миска Вольдемара.

Всё, она готова!

– Тётя, я ухожу!

Эмилия показалась в коридоре, уже облачённая в рабочий костюм, то есть в восточные одежды, балахоны и чалму.

– Ты взяла зонт? Будет ливень.

– Этот прогноз в телефоне всегда врёт.

– Мария, возьми зонт.

Брать зонт Мане было решительно не с руки – у неё рюкзак и бультерьер, – и она сказала, что ей достаточно кепки и капюшона толстовки.

– Как хочешь. Вымокнешь сильно.

– Ты позвонила в «Асторию», тётя?

– Конечно же! Тебя там ждут.

Тётка с племянницей расцеловались, и Маня помчалась вниз – от её поступи задрожали цветы на подоконнике лестничной площадки.

До парка на Елагином острове Маня доехала на такси – мимо интерната на улице Савушкина, где когда-то учился её отец. Тогда интернат был специализированным – для одарённых детей, – и брали только гениальных мальчиков и девочек. Маня всякий раз старалась пройти или проехать мимо этой школы, как в детстве, когда проезжала или проходила вместе с родителями и мама всегда кричала школе «ура!».

Мама тоже была весёлой. Как Маня.

Им с Волькой удалось благополучно прошмыгнуть в парк. На этот раз сторож оказался на месте, но, заметив Маню с Волькой, тут же сделал вид, что не видит их, – принялся болтать с садовницами, которые возились на клумбе.

С собаками нельзя, но как бы можно.

Некоторое время Маня ещё оглядывалась, нет ли погони, а потом вздохнула с облегчением, расправила плечи и припустилась бегом.

Волька мчал впереди, натягивал поводок, перепрыгивал небольшие лужицы, а глубокие брал с ходу, вброд.

Ничего, ничего, в «Астории» отмоемся!..

Парк был старый, заросший, полный зелёного аквариумного света – от высоченных лип, смыкавших кроны над аллеями. В сторону Финского залива уходили ряды елей, земля под ними была густо устлана иголками и скорлупками от шишек, там и сям натыканы таблички, извещающие о том, что здесь территория белок. Где-то далеко-далеко играла музыка, и Мане она очень нравилась.

Решено было идти к Финскому заливу, а потом в обратную сторону, к дворцу, сделать круг и выйти с другой стороны парка, где набережная.

Залив уже виднелся между деревьями, серый, всклокоченный, как неухоженная старуха, когда хлынул дождь.

Он не пошёл, а именно хлынул – липы загудели тревожно, ветер наддал, с неба полило, и словно вихрь закрутился в кронах, полетели ветки и посыпались листья.

Маня и Волька повернули было обратно, но кругом парк и никакого укрытия поблизости! Вмиг они нашли дерево пораскидистей и забрались под него. Волька смотрел на Маню с недоумением – что такое случилось? Кто и зачем поливает их водой?

Дерево долго не сдавалось, но в конце концов с веток тоже полило, кому-то точно за шиворот, кому-то прямо на шкуру!

– Вот это да! – перекрикивая шум бури, воскликнула Маня, стараясь быть жизнерадостной и немного успокоить встревоженного Вольку. – Вот это мы с тобой влипли!..

Ещё была некоторая надежда, что дождь кончится и они доберутся до стоянки такси, но вскоре стало ясно, что непогода только разгуливается – ветер немного стих, зато дождь пошёл долгий, сильный и монотонный.

Маня решительно не знала, что делать.

То есть понятно, что нужно выбираться, и уже ясно, что они промокнут – до трусов, до шнурков, до нитки! Но непонятно было, куда именно выбираться – в таком виде их вряд ли посадят в такси, а пешком до центра не дойдёшь!..

И всё же нужно что-то делать.

– Пойдём, дорогой! – бодро сказала Маня бультерьеру. – Ты уж меня прости, но ничего не попишешь.

Они выбрались из-под дерева и быстро пошли – сначала ежась и стараясь как-то укрыться, а потом уже не пытаясь, ибо в этом не было никакого смысла.

Интересно, думала Маня, бодро шагая – вода текла у неё по лицу, по рукам, капала с подбородка и пальцев, – в рюкзаке ведь тоже всё промокло или нет? В чем она станет проводить свой нарядный вечер-люкс?

Вскоре они оба стали замерзать, а парк всё не кончался – это был хороший, обширный, старый парк! Волька бежал и трясся, время от времени останавливался, отряхивался, смотрел на Маню и опять принимался бежать и трястись.

– Ты хороший товарищ, – пропыхтела Маня на ходу. – Не жалуешься!..

Дождь немного поутих, зато поднялся ветер, и когда они перебегали канал, совсем заледенели.

Как Маня и предполагала, равнодушные таксисты проезжали мимо, и приходилось отпрыгивать, чтобы не попасть под веер грязной холодной воды из-под колёс, а вызванный по телефону водитель притормозил, но, завидев с головы до ног мокрую тётку с грязной собакой на поводке, моментально набрал скорость и убрался восвояси.

– Я на вас жаловаться буду! – крикнула ему вслед Маня.

Делать нечего, пришлось идти.

Шли долго и мучительно.

Сначала по Приморскому проспекту, потом направо на Каменноостровский, и опять всё прямо и прямо. На полдороге Маня поняла, что стёрла ногу – в кроссовках хлюпала и плескала вода, носки всё время сползали. Первое время она ещё поправляла носок, чтоб не так тёрло, а потом бросила, какая теперь разница!.. Дождь всё шёл.

Потом Мане стало очень жалко себя и своего пропавшего выходного – «каникулы Бонифация» как-никак, и вот такая ерунда!..

Потом Волька, который давно уже плёлся у Мани на буксире и ей то и дело приходилось его подтаскивать, взял и лёг. Напрасно Маня уговаривала его встать и продолжить путь. Пёс тряс острыми ушами, тяжело дышал, отводил глаза. Нос, несмотря на дождь, был очень горячим.

Маня постояла над ним, поуговаривала, но из этого ничего не вышло. Волька лежал почти что в луже, и его, и Маню поливал дождь.

Маня взяла его на руки – он был весь сырой и горячий, от него сильно пахло псиной – и понесла.

Чего особенного-то! Восемь килограммов всего. Волька ведь не просто бультерьер, он мини. Мини-бультерьер.

Время от времени она останавливалась передохнуть и перехватить поудобней пса, который сползал. В конце концов пришлось взвалить его на плечо, как куль.

Потом она как-то моментально и безнадёжно устала.

– И чайник сказал утюгу, – пробормотала Маня, – я больше идти не могу…

Волька повернул к ней свинообразную башку, взглянул, виновато фыркнул, отплёвываясь от воды, и лизнул в нос.

На Дворцовом мосту Маня решила, что дальше не пойдёт. Вот тут присядет на бордюр – «поребрик» по-питерски, – положит собаку и станет ждать, когда их заберёт патруль. Как подозрительных личностей.

На Невском, куда они всё же доковыляли, её неожиданно окликнули:

– Марина?!

Тяжело и неровно дыша, Маня оглянулась. Вода капала у неё с носа и подбородка.

– Что? – невежливо выпалила Маня.

Какая-то женщина, смутно знакомая и, главное, абсолютно вопиюще сухая, даже туфельки у неё блестели, вышла из машины, распахнула гигантский зонт и смотрела на Маню во все глаза.

– Господи, вы так промокли! Пойдёмте, пойдёмте со мной скорее!..

– Куда? – ещё более невежливо рявкнула Маня, но женщина уже открывала тяжёлую высокую дверь с бронзовой резной ручкой.

– Проходите!.. Да проходите же!

В помещении было светло, тепло, сухо, розовый толстый ковёр, посередине круглый стол, а на столе ваза. И кресла!..

Маня сразу же рухнула в кресло и свалила на ковёр Вольку – как тюк. Они оба прерывисто и трудно дышали. С обоих текло и капало.

– Откуда вы такие? – спрашивала женщина, складывая зонт и скидывая летнее пальто. – Девочки, у нас гости! Юля! Вы шли пешком из Кронштадта?

– Из Гельсингфорса, – промямлила Маня, вспомнив тётю Эмилию. – С Елагина острова мы шли, через Приморский проспект. А потом по Каменноостровскому.

– С ума сойти, – удивилась женщина, – зачем же в такой ливень? И потом, через Крестовский остров ближе почти вдвое! Зачем же вы в обход пошли? И когда вы приехали? Почему не звонили?

Тут Маня наконец сообразила, куда попала.

Она попала… в магазин.

Честное слово, в магазин!..

– Марина, я сейчас вам подам полотенце, или лучше вы пройдите в мой кабинет, там удобней вытереться. Юля, давай скорей салфетки, вытирай собаку, видишь, она вся трясётся! И кофе! Ставьте кофе!..

В этом магазине Маня, когда доводилось, с удовольствием и от души покупала себе наряды. Светлана – так звали управляющую, вот ту самую, что сейчас хлопотала вокруг, – детективы Марины Покровской обожала, считала авторшу исключительно талантливой, умной и содержательной, не пропускала ни одной программы с Маниным участием, знакомством гордилась, и Маню всегда принимали в этом магазине как родную.

– Светлан, – призналась Маня, – можете себе представить, я вас даже не узнала!

– Вполне могу, – тут же отозвалась управляющая, – у вас совершенно ошалелый вид. Пойдёмте, я вас провожу.

Маня вытащила себя из кресла и поняла, что идти не может. Вот просто не может, и всё тут.

– Нога, – пробормотала она и улыбнулась, – кажется, её придётся ампутировать.

Кое-как сковырнув кроссовок, Маня обнаружила, что по носку растекается кровавое пятно, а под носок лучше вообще не заглядывать.

Светлана и «девочки» вытаращили глаза, захлопотали, забегали, кажется, даже «скорую» собрались вызывать, чтобы спасать пострадавшую, но Маня мужественно заковыляла за Светланой во внутреннее помещение магазина. Она беспрестанно улыбалась и столь неистово благодарила, что в конце концов управляющая на неё прикрикнула:

– Марина, прекратите! Проходите сюда, раздевайтесь и вытирайтесь как следует! Вы что, хотите заболеть в разгар лета?! – Вышла и прикрыла дверь.

Стуча зубами, Маня стянула ледяной мокрый костюм и второй носок, бельё тоже было насквозь, хоть выжимай.

Маня подумала, разделась догола и выжала лифчик и трусы прямо на кучу, в которую превратилась её одежда.

А, всё равно мокрое, хоть выжимай, хоть не выжимай.

Главное, если она заявится сейчас к тёте Эмилии, та всыплет ей как следует. И мало того, что всыплет, ещё возьмётся принимать «профилактические меры», чтобы племянница не заболела! Маня эти самые «меры» знала – дышать над картошкой, парить ноги, горчичник между лопаток – и терпеть их не могла.

В «Асторию» теперь нельзя, конечно. Вон их с Волькой даже в такси не посадили!

В дверь постучали и просунулась рука с какими-то пакетами.

– Марина, надевайте. Я взяла у соседей.

По соседству располагался магазин, где торговали в том числе и «дамскими радостями» – нижним бельём. Всё удобное, изящное, тонкое, без лишних финтифлюшек – очень дорогое.

Маня вытащила из пакетов «верх» и «низ» – всё село идеально, Светлана своё дело знала!

– В шкафу халат, – проинформировали из-за двери. – Я надеваю его после йоги. Он совершенно чистый. Можете взять.

Маня напялила халат – он, ясное дело, был тесноват в груди и короток, зато абсолютно сухой!

– Светлана, спасибо вам огромное! Вы меня просто спасли!

– Я послала в аптеку за пластырем и какой-нибудь мазью. Ужас, что у вас с ногой. И вам нужен кофе! Лучше бы водки, конечно, – тут управляющая задумалась, – но мы её не держим, у нас только игристое, а оно сейчас некстати.

Маня засмеялась.

– Ну, пойдёмте, пойдёмте!

Сказать, что Мане было неловко – ничего не сказать. Она не любила обременять собой людей и пользоваться их расположением и любезностью. Да и магазин на Невском проспекте, в самом центре Питера, не то место, где известная писательница Марина Покровская может торчать полуголой и полумокрой!

Нужно забрать собаку, что-то такое придумать с одеждой и отправляться восвояси.

Волька, завидев Маню, вскочил, с усилием поставил лапы ей на колени и брякнулся обратно в центр розового ковра с гулким звуком.

– Изнемог, – сказала про него Маня и неловко потёрла руки. – Огромное вам спасибо, Светлана…

– Да что ж вы заладили-то, Марина! Присаживайтесь, пейте кофе, а мы пока подыщем вам одежду.

Она глазами смерила Маню в халате.

– Вы с прошлого раза похудели? Поправились?

– Я похудеть не могу, – пробормотала Маня, – я всё только поправляюсь.

– Ой, да бросьте вы!

На улице было сумрачно, дождь лил, ветер ломал и вырывал зонты у прохожих, а здесь сияли люстры, пахло кофе, новыми вещами и розами – они благоухали на круглом столе.

Маня вздохнула.

…А ведь и правда! Сейчас она что-нибудь купит и отправится себе на такси в «Асторию» – тут рукой подать! – и вечер-люкс у неё не пропадёт!

И к тёте Эмилии возвращаться не придётся!..

Если бы Маня Поливанова всё-таки вернулась на Мойку, если бы милая управляющая приехала на работу на минуту раньше или на полминуты позже, если бы в роскошном итальянском магазине не нашлось ничего подходящего, жизнь повернула бы совсем в другую сторону.

Но Маня этого не знала.

Она одним глотком выпила кофе, зажмурилась от наслаждения, села в кресло и вытянула ноги в полном блаженстве. Хорошо бы только никто из покупателей не пришёл!..

– Марина, хотите, подберём вам платье?

– Что вы, Светлана, я не ношу платьев!

– И очень напрасно! Так удобно – надел и больше ни о чём не думаешь.

Маня улыбнулась:

– Я не умею их носить.

Светлана фыркнула:

– Так научитесь же!.. Когда-то нужно начинать! А то вся жизнь пройдёт, а вы так и не узнаете, как прекрасно носить платья!

– Это точно, – пробормотала Маня. – Но мне бы какие-нибудь штаны, футболку и… курточку джинсовую.

– Ясно, – согласилась Светлана и на расставленных руках показала Мане какую-то странную штуку – Примерьте пока вот это, а мы посмотрим брюки.

– А это что? – поинтересовалась Маня, косясь на дикую дичь в руках управляющей.

Та засмеялась:

– Это как раз платье!

…Фу ты ну ты! Да не ношу я платьев!

Впрочем, сейчас она никак не хозяйка положения и просто обязана подчиниться. Управляющая спасла её от Всемирного потопа и ещё продолжает спасать!

Маня зашла за тяжёлую портьеру в примерочную, – бультерьер моментально приподнял голову и навострил и без того острые уши, но с места не двинулся, ибо обессилел всерьёз, – развязала халат и напялила дичь.

И посмотрела на себя в зеркало.

И ещё раз посмотрела на себя в другое зеркало.

И опять посмотрела – во все зеркала по очереди.

Бестолковая тряпка, не имевшая никакого вида на вешалке, на Мане оказалась изумительным нарядом!.. Длинное, почти в пол, платье было неровно скроено из разных кусков на первый взгляд совершенно не подходящих друг другу тканей – здесь в клетку, там в цветочек, тут зелёное, а дальше розовое. Высоченную и здоровенную Маню вся эта разноцветная чехарда делала словно… легче, изящнее, свободнее.

Никаких недостатков, одни достоинства – высокая грудь, длинная шея, тонкие кисти рук, а остальное всё закрыто, поди догадайся, какое оно, всё остальное!

– Дааа, – проблеяла Маня завороженно. – Сильфида.

– Что там? Покажитесь!

Маня откинула занавеску и шагнула в зал – немного царицей Тамарой, немного Еленой Прекрасной.

– Какая я молодец, – похвалила себя Светлана, разглядывая Маню. Лицо у неё было весёлым. – Ну вот! А вы говорите – не ношу платьев!

– Не-е-ет, – опять проблеяла Маня. – Теперь уже, наверное, ношу…

И они обе засмеялись.

– Главное, это одна вещь, а не три, – радостно говорила Светлана, перебирая на рейле вешалки, – и соответственно, стоит как одна, а не как три!..

Вот это было не в бровь, а в глаз – магазин из дорогих, покупать в нём наряды Маня позволяла себе не слишком часто.

…Но ведь сейчас можно, да? Она только что сдала роман, получила первую часть гонорара и даже не успела потратить на «нужды семьи», коих было множество, начиная от крыши на даче и заканчивая плиткой в ванной. Всё требовало ремонта, а стало быть, денег.

Но ведь ничего, да?..

– И лето, – продолжала Светлана так же радостно. – Вы его как раз поносите, оно лёгкое, хоть и закрытое!.. И сидит отлично, Марина! Это платье мало кому подходит, роста не хватает, а вам просто отлично! А, вот, нашла! Сверху прикиньте!

И подала Мане жилетку изумрудно-зелёного цвета.

Маня «прикинула».

– Можно я вас сфотографирую? Для инстаграма? Просто костюм, как идею! Смотрите, как всё сошлось, как соответствует друг другу!

Маня дала себя фотографировать – исключительно «как идею». Как писательница Покровская она фотографироваться не могла – влажные волосы торчат в разные стороны, щёки красные, очки то и дело запотевают, и приходится их сдёргивать.

А потом ещё покрутилась перед зеркалами.

Пожалуй, её вечер-люкс вообще не отменяется, а наоборот начинает сверкать новыми красками!

Продавщица Юля – теперь, немного прийдя в себя, Маня и её узнала, – вернулась из аптеки с пластырем и присыпкой и принялась восторгаться:

– Светлана Алексеевна, как вы ловко всё придумали! И сочетание какое правильное! Вам так хорошо, Марина! Так хорошо! И это платье! Вы в нём совсем другая! Вообще другая!

– Юля, нам ещё нужно придумать обувь! Что у нас осталось?

– Да почти ничего.

– Нам же нужно без пятки! У Марины на месте пятки… фарш какой-то. Туфли не годятся.

– Пляжные только.

– Нет, пляжные тоже не годятся. Нужно с закрытым мыском.

Маня глубоко вздохнула.

Ну, ничего же, ничего! Деньги пока есть. И если бы не дождь и не марафонский бег с Елагина острова, она бы ничего не стала себе покупать. Просто… обстоятельства так сложились. Форс-мажор.

В конце концов нашлись и туфли – чёрные лакированные тапочки с жемчужинами по бокам, красота!.. Тапочки назывались отчего-то «мюли».

Маня заплатила не дрогнув. Между прочим, бельё оказалось дороже обуви!

Управляющая выдала ей зонт с эмблемой магазина.

– Это подарок, Марина! В прошлом году мы постоянным покупателям дарили, и вот парочка ещё осталась. А ваши вещи я пришлю, только скажите куда. Чтоб мокрое не таскать!

Маня с лёгким сердцем оставила «мокрое» в магазине, прицепила Вольку на поводок, ещё раз поблагодарила и покланялась немного и, чувствуя себя совершенно счастливой, новой и… другой, села в такси.

Дождь всё шёл.

– В гостиницу «Астория», пожалуйста, – со счастливым вздохом сказала она водителю.

– А я вас узнал, – признался водитель. – Вы писательница.

– Да, – согласилась Маня. – Я писательница.

Тётя Эмилия была задушена шнуром от настольной лампы. Разбитая лампа валялась тут же, рядом с креслом.

В кабинете и гостиной всё перерыто и перевёрнуто, дверь в квартиру не заперта.

– Так кто, вы говорите, к ней приходил? – спрашивал у Мани мужик, от которого сильно несло луком и перегаром. – Вчера?

Маня соображала плохо.

Она вернулась утром на Мойку и… нашла тётю Эмилию. Позвонила в отделение, и всё дальнейшее как-то перепуталось у неё в голове.

Кажется, ещё она звонила Алексу, и он не ответил. И ещё Викусе, сестре Эмилии, тоже позвонила. Или нет?..

Потом вроде бы сидела на лестнице и баюкала на руках собаку, но тем не менее как-то оказалась в квартире, когда приехали… правоохранительные органы и всякие другие службы.

– Дамочка, как вас… – мужик заглянул в записи, – Мария Алексеевна, вы соберитесь, соберитесь! Вопросов впереди много, вы… сосредоточьтесь!

– Я сосредоточилась.

– Вы сами-то где находились? До того, как обнаружили труп?

– В «Астории».

Мужик крякнул.

Какая-то подозрительная дамочка, честное слово! Лицо знакомое, одета по последней моде, прямо как из программы «Звёздный переполох» на телеканале НТВ, собака при ней страшная. Утверждает, что сама племянница убитой, провела ночь в «Астории»! Может, она проститутка тамошняя и на неё в архиве что-нибудь да есть? Или откуда она такая, на лицо знакомая?

– А в «Астории» вы что делали?

– Ночевала. И ужинала. Нет, сначала ужинала, а потом ночевала.

– Это может кто-то подтвердить?

Дамочка подняла на него глаза:

– Персонал в гостинице. У них ещё мои вещи остались, я отдала в стирку. Вчера попала под дождь и промокла.

Неужели это было только вчера?..

– В стирку? – переспросил оперативник вкрадчиво.

Стирка – это подозрительно. Может, ей срочно понадобилось улики уничтожить? Зачем ей стирка в гостинице, если у неё здесь родная тётка при квартире и стиральной машине!

– Мария Алексеевна, вы, главное, говорите правду. – Теперь он буравил Маню глазами. – А то мы с вами завязнем.

– Я говорю правду.

– Значит, вы находитесь в отпуске и проживали на этой жилплощади у Эмилии Дмитриевны Поливановой, которая доводится вам родной тёткой. Но именно вчера отправились в «Асторию», а тётю вашу убили. Как по заказу. Так получается?

Маня кивнула. Соображала она плохо.

– Н-да. – Оперативник подёргал себя за ухо. – А что за картотека в той комнате, где вы труп нашли? Ящики какие-то!

– Это карточки тётиных клиентов.

– В смысле?

Маня посмотрела на него:

– В прямом смысле. Люди, которые обращались к ней за помощью. Её клиенты. В ноутбуке тоже есть картотека, в электронном виде.

– Да кто она есть-то, тётя ваша?!

– Экстрасенс, – выговорила Маня, и лицо у неё дрогнуло. – Очень хороший. Знаменитый даже.

Оперативник присвистнул.

Этого ещё не хватает!..

Нет, сам-то он по телевизору про этих самых экстрасенсов смотрел с удовольствием – интересно же! – но в глаза их никогда не видел и как-то не до конца верил в их существование. Уж больно странные штуки они проделывают, экстрасенсы эти!..

А тут самый настоящий экстрасенс в виде… трупа. История.

– Кто её убил? – вдруг спросила дамочка странным голосом.

– Так вот теперь нужно устанавливать!

– Почему я вчера не пришла домой? – продолжала дамочка. – Я же хотела сюда идти, к ней! И не пошла! И ещё платье это дурацкое! Если б не платье, я бы пришла! Понимаете?! И может быть, ничего бы не случилось!

Оперативник ничего не понял про платье. Огромный его опыт подсказывал, что сейчас дамочка осознает случившееся, примется рыдать и к разговору станет непригодна.

– Вы пройдите вон туда. Пройдите, пройдите! Там эксперт работает, вы ему отпечаточки сдайте свои.

– Зачем?

– Ну, затем, что нам надо! Чтоб ваши отпечатки от остальных отделить, вдруг мы какие интересные найдём, для нас ценные! Может, кто из клиентов вашей тёти судим был, сидел и уже по нашим картотекам проходит, мало ли!..

Маня взялась за голову.

– А вчера кто у нее был?

– Я не знаю. – Тут она вдруг сообразила, что знает! – Нет, подождите! Сегодня должен был прийти человек по имени Лев Граф. Так мне сказала тётя позавчера вечером!

– Это что ж за имя такое?

– Так его зовут – Лев Сергеевич Граф.

– И что же он? Приходил?

Маня покачала головой:

– Я не видела. Утром, когда я ушла, тётя была одна. Но уже одета для приёма! У неё такой специальный костюм был, она в нём работала.

– Который на ней?

– Да, – сказала Маня с трудом. – Который на ней.

– Стало быть, переодеться она не успела.

– Не успела, – повторила Маня.

…Вот сейчас начнётся, подумал оперативник. Самое время для рыданий.

Но дамочка оказалась… кремень.

Она втащила на колени собаку, которая всё время сидела у неё на ноге, навострив уши и не сводя крохотных свиных злобных глазок с оперативника, крепко обняла ее и прижалась лицом. Дамочкины очки съехали на одну сторону.

– Что же это за порода такая? – спросил оперативник, которому стало жаль Маню.

Она оторвалась от собаки, поправила очки. Лицо у неё горело нездоровым румянцем.

– Что вы хотите узнать? Спрашивайте.

В два часа дня Маня оказалась в полном одиночестве на лестничной площадке возле опечатанной тётиной квартиры.

У ноги ее стоял чемодан, при чемодане сидел Волька.

В пыльные окна светило солнце – вчерашнюю непогоду уволокло, должно быть, за море. Этажом выше играли гаммы. На подоконнике ворковали голуби. С Мойки доносились голоса зазывал: «…добро пожаловать на прогулку по рекам и каналам Санкт-Петербурга!»

Всё как всегда.

Но Маня была отделена от привычного мира невидимой стеной. Словно находилась в кинотеатре, в который попала бомба, а фильм продолжали показывать. Маня стояла среди руин и смотрела на экран, где шло весёлое кино – как ни в чём ни бывало.

И она никак не могла сообразить, что теперь делать.

Самое правильное – сейчас же уехать в Москву. Неизвестно, что там сейчас будет с Викусей, сестрой Эмилии. Возможно, её придётся спасать.

Или остаться, как просил оперативник? Он сказал, что у следователя «могут возникнуть вопросы»!

Следователь будет устанавливать, кто убил тётю Эмилию.

Мане стало трудно дышать, и она быстро опустилась на ступеньку рядом с Волькой. Пёс заглянул ей в глаза и неуверенно лизнул руку.

Уехать, конечно же, уехать!..

В Москве Алекс – самый умный, самый лучший на свете Алекс, – который уже не раз выручал её в самых трудных ситуациях.

Маня попыталась вспомнить, о чём они разговаривали, когда она позвонила, но не смогла даже сообразить, звонила ли вообще.

Если она уедет, тётя Эмилия и всё, что с ней связано, и хорошее, и плохое, и воспоминания детства, и университетские Манины каникулы, когда Эмилия безропотно принимала у себя компании бедных студентов, и все приезды на праздники, и День Военно-Морского флота, который Маня так любила, когда по сияющей летней Неве торжественно и неторопливо шли тяжёлые военные корабли – всё закончится навсегда.

Маня была в этом уверена.

Если она сейчас уедет, то в этот город больше не вернётся. Нет, она, конечно, потом приедет, но в какой-то совсем другой город.

Чужой. Посторонний.

Не тётин.

Но что же ей делать? Вернуться в квартиру нельзя – вон на двери бумажка с печатью! Да она и не сможет там находиться!

В квартире убили тётю Эмилию. В гостиной разгром, там явно что-то искали, а может быть, тётя… сопротивлялась, билась, сражалась за свою жизнь! Маня тяжело задышала.

…Не рыдать! Держать себя в руках! Если сейчас дать себе слабину – всё пропало, всё. Она, Маня, развалится на куски и больше ни на что не будет пригодна.

Волька негромко и вопросительно тявкнул. Маня погладила его по голове.

– Думай, – сказала она себе. – Думай, думай.

Нужно позвонить лучшему другу полковнику МВД Никоненко Игорю Владимировичу – он первым делом Маню обругает на чём свет стоит, зато потом подскажет что делать. Он всегда сначала ругается, а потом впрягается в Манины дела.

Нужно позвонить Катьке Митрофановой, редактору и близкому человеку. Они с мужем Володей Береговым примчатся и заберут Маню в Москву.

…Не примчатся и не заберут, потому что третьего дня уехали в Карелию, чтобы отправиться в поход. Все остальные соблазнительные места на морских курортах внезапно и безнадёжно оказались недоступны – вирус бродит по планете! Вот Митрофанова с Береговым и набили машину палатками и керогазами, посадили на заднее сиденье собаку и укатили в леса.

Может, и к лучшему?..

Катя всегда изо всех сил переживает за Маню, и сейчас принялась бы рыдать и утешать, а это последнее, что ей сейчас нужно.

А что ей нужно?

Нужно узнать, кто убил тётю Эмилию.

Это сейчас самое главное!..

На мужика-оперуполномоченного нет никакой надежды – убийство Эмилии для него просто работа, а кто его знает, хорошо он умеет её делать или плохо!

– Мы должны сами взяться за дело, вот что, – решительно сказала Маня Вольке и поднялась со ступеньки. – И не отговаривай меня!

Бультерьер пошевелил коротким хвостом – не стану, мол, отговаривать!

Оглянувшись по сторонам – никого не было в парадной, – Маня выудила из рюкзака ключи от тётиной квартиры, подумала, порылась и достала тонкую пилочку для ногтей.

Ею она подцепила бумажку с печатью и ловко отогнула ее, не разорвав. Открыла замок, втащила чемодан и Вольку. И постояла на пороге.

Самым ужасным ей показалось то, что тётина квартира совершенно изменилась!.. То есть она оставалась всё той же – из прихожей не было видно следов разгрома, – но всё же совершенно другой.

Пусто. Безжизненно.

Словно тут никто не жил уже много дней или недель.

И душно!

Маня, как только уходили тётины посетители, сразу же распахивала окна, впускала свет и воздух, а сейчас всё закрыто намертво.

– Нам нужно забрать картотеку, – сказала Маня Вольке. – Ноутбук увезли, а картотеку бросили. Нам нужно её забрать.

Маня решительно не знала, что станет делать с картотекой, кроме того, имена клиентов были большей частью зашифрованы, но ничего другого придумать не смогла.

Она осторожно, словно боясь спугнуть тишину, прошла в гостиную, постояла на пороге, глубоко вздохнула и шагнула внутрь.

Белый меловой контур на полу – там, где лежала Эмилия. Лампу – орудие убийства, – забрали с собой эксперты. Роскошный восточный ковёр сдвинут и весь затоптан. И кругом разорение, разгром!..

Что тут искали?..

Стараясь не смотреть на контур, Маня подошла к тётиному столу и выдвинула ящик. Вот и картотека.

Странное дело – последняя, самая ближняя ячейка оказалась пуста. Маня выдвинула ящик почти полностью, заглянула и даже пошарила.

Никаких карточек не было.

Кто их забрал? Оперативники или… преступник?..

Маня аккуратно вытащила оставшиеся ячейки, составила одну на другую и стала соображать, куда бы их положить, чтоб унести.

В чемодане есть объёмная сумища из музея Пегги Гуггенхайм, предназначенная для книг, Маня всегда прихватывала эту самую сумищу на всякий случай – она очень любила покупать книги и брала сразу много, – сойдёт!..

Она вышла в коридор, открыла чемодан, и тут Волька зарычал не как обычно, игриво и ласково, а злобно и настороженно.

Маня замерла.

Всё тихо.

Волька опять зарычал, и Маня вдруг расслышала какую-то возню на площадке, за дверью.

Повозится – и перестанет. Повозится – и тишина.

От страха Мане стало трудно дышать, и в голове словно помутилось. Убийца вернулся?..

Она кинулась, распахнула дверь и зажмурилась, ожидая чего угодно. Волька забрехал во весь голос.

– Что случилось?

Маня распахнула глаза.

Перед ней стояли Ольга Александровна Ветрова и девочка Марфа с розовым рюкзачком за плечами.

– Что случилось? – повторила Ольга Александровна и показала пальцем на бумажку с печатью, болтавшуюся на двери.

– Проходите, – велела Маня и облизала пересохшие от страха губы. – Только быстрее.

Они прошли, и Ольга оглянулась с недоумением.

– Эмилию убили, – мрачно сказала Маня.

– Как?!

Маня пожала плечами.

– Сеансов больше не будет.

– Да, но… как же так?!. Кто?! И зачем?!

– Я не знаю.

– Я присяду, – полувопросительно сказала Ольга и опустилась на банкетку. И одной рукой прижала к себе Марфу, которая оставалась безучастной. – Когда… это произошло?

Маня опять пожала плечами, словно где-то внутри её заклинил механизм и теперь постоянно повторял одно и то же движение.

– Вчера поздно вечером.

Ольга помолчала, а потом сказала:

– Ясно. Мы пойдём.

Теперь она была такой, как всегда – холодной и равнодушной.

Конечно! Эмилия ей никто, посторонний человек! Убили, ну, жалко, конечно, но мы теперь пойдём.

– Вы вчера сюда не заходили? – зачем-то спросила Маня.

– Нет, нам было назначено на сегодня. До свидания.

Она взяла Марфу за руку, и они ушли.

Тётя говорила что-то о том, что Марфе только-только стали помогать её сеансы! Кто теперь станет с ней возиться? Железобетонная мать найдёт какого-то другого экстрасенса?

Маня одну на другую составила деревянные ячейки в «Пегги Гуггенхайм», забрала ещё записную книжку и… любимую тётину чашку императорского фарфора, голубую, в нежную золотистую клетку.

– Я ещё вернусь, – пообещала она Эмилии, словно её дух по-прежнему был здесь, хотя от тела остался только меловой контур на полу.

На площадке первого этажа ей встретилась соседка. Именно её внучка всё время играла гаммы.

– Какое несчастье, – проговорила соседка, и глаза у неё налились слезами. – Какое страшное несчастье.

– Да, – согласилась Маня. – Несчастье.

– Так ничего и не известно?

– Нет, – ответила Маня. – Неизвестно.

– А та женщина с девочкой? Ну, которая сейчас вышла! Что говорит?

Маня посмотрела на соседку.

– А… что она может говорить?

– Господи, но она же была здесь вчера! Одна, без девочки! Мы встретились как раз напротив квартиры Эмилии Дмитриевны!

– С кем?!

– Да вот с этой женщиной! У которой девочка … нездорова!

– Она была здесь вчера вечером?!

– Ну, конечно. Я прекрасно её видела – точно так же, как вас сейчас!.. Мы встретились на площадке, раскланялись, и я отправилась в булочную.

– Ничего себе, – пробормотала Маня. – Она мне сказала, что вчера не приходила.

– Уверяю вас! Была, была она здесь!..

Маня ринулась вниз, волоча за собой чемодан и бультерьера, но Ольги Александровны уже и след простыл.

В «Астории» Маню поселили в тот же номер, где она ночевала, – так распорядилась всесильная Лидочка Леонтьевна, тётина подруга. Она откуда-то всё знала.

– Держись, девочка, – глубоким низким голосом сказала она Мане, она вообще говорила дивным, волшебным басом. – Ничего другого не остаётся.

– Откуда вы знаете, Лидочка?

Та махнула рукой:

– Ленинград – город маленький. Мамаша Василия, который в милиции служит, понынешнему в полиции, ну, который приехал на вызов, моя давняя приятельница. Когда-то я приводила её к Эмилии.

Лидочка отвела взгляд, всхлипнула, выхватила крошечный кружевной платочек и приложила к глазам.

– Ничего, ничего, – сказала она самой себе. – Справимся. Господи, она такой хороший человек, твоя тётя! За что?.. Почему?..

Маня поднялась в свою комнату на третьем этаже, аккуратно расставила на высоком круглом столике принесённые с собой ящички от картотеки, придвинула столик к окну – и всё это ей не понравилось. Неудобно!

Она составила картотеку на пол, уселась, скрестив ноги, задрала на лоб очки и стала думать.

Волька подошёл и плюхнулся так, чтобы бок прижимался к Маниной ноге.

Ольга Ветрова вчера была у тёти, можно считать это установленным фактом. Сегодня соврала, что не была.

Могла она убить? Да, вполне. Соседка сказала, что Марфы с ней не было, приходила одна.

Какие у неё могут быть мотивы?

Месть? Тётя не вылечила её дочь? Взяла с неё слишком много денег и ничего не сделала?

И самый главный вопрос – где теперь эту Ольгу искать?

Кто забрал карточки из последнего картотечного ящика? Оперуполномоченный по имени Василий и его люди? Или преступник?

Если оперуполномоченный, значит, он думает так же, как Маня, – убийцу нужно искать среди тётиных клиентов. Если преступник – значит, Маня и оперуполномоченный Василий правы и убийца находится среди тех, чьи имена были в последнем ящике.

Как теперь их восстановить?..

Маня стала перебирать карточки – они были на плотной жёлтой бумаге, с какими-то пометками, разобрать которые на первый взгляд невозможно. Например, «Змея, апрель 2015, январь 2016, гексаграмма хорошая, мужская, перемены не позже новолуния».

И что с этим делать?

Самое главное, что имена всех, кто приходил к тётке накануне убийства, были записаны в таблицу в ноутбуке, Маня собственноручно их туда вносила! И компьютер забрали!.. И последний ящик пропал, ведь там тоже могли оказаться те, кто приходил в последнее время, – если Эмилия успела внести их имена и «гексаграммы» в бумажную картотеку!..

В дверь деликатно постучали.

– Войдите! – крикнула Маня, опустила на нос очки и оглянулась. Волька зарычал, но брехать не стал.

Вошел молодой человек сказочной красоты – в форме и белоснежных перчатках.

– Лидия Леонтьевна прислала, – доложил он, косясь на Маню, которая сидела на полу в окружении картотечных ящиков и разложенных бумажек. – Вино и сыр. И немного клубники.

И выставил на круглый столик бутылку, тарелку, приборы в накрахмаленной льняной салфетке и «немного клубники».

Маня промычала нечто благодарственное и поползла по ковру к самому дальнему ящику – ей пришла в голову мысль, что начинать следует как раз с конца.

Молодой человек посторонился, сверкнули на солнце его лакированные ботинки.

– До свидания.

Маня покивала и только спустя время сообразила, что хорошо бы дать чаевые, и снова принялась за карточки.

Имена, где они были проставлены, Маня выписывала на отдельный лист, а прозвища – на другой. И даты, даты!..

Непонятным образом Эмилия одних клиентов именовала, к примеру, Леночка и Тамара Михайловна, а других «Змея», «Плут», «Писатель» и так далее. Никакой закономерности в этом не было, по крайней мере Маня ее не обнаружила.

Когда зазвонил телефон, она перешла ко второму ящику – а впереди ещё… сколько? Ещё шесть!

Звонил Алекс.

– Маня, я ничего не понял, – начал он с ходу. – Что случилось с Эмилией?!

– Её убили, – сквозь зубы пробормотала Маня. – Понимаешь, у меня были «каникулы Бонифация», а её в это время убили. И если бы я вернулась, она, может быть… сейчас… а я не вернулась, Алекс.

И зарыдала – бурно, громко, слёзы закапали на ковёр и на встревоженного Вольку.

– Тихо-тихо-тихо, – быстро и нежно проговорил Алекс. – Ты где, Манечка?

– В… в «Астории»!

– Я скоро приеду, Манечка! Ты успокойся, успокойся немножко!

– Как… как я могу?! Успокоиться?.. Понимаешь, я её видела! Видела, Алекс!.. Как она лежала с этим… шнуром…

– Понимаю, всё понимаю, Манечка.

– А позавчера мы с ней пили «Дом Периньон»! А вчера её… Алекс, так невозможно, невозможно!..

– Маня, я приеду и заберу тебя. А сейчас выпей чего-нибудь! Слышишь?

– Я… я… не… могу, – проикала Маня.

Волька лез ей в лицо, горячо дышал, слизывал со щёк слёзы. Маня то отпихивала его, то прижимала крепко-накрепко.

– Ты не сиди одна, – настойчиво продолжал Алекс в трубке, – сходи куда-нибудь, Маня! В любое место, где есть люди! В «Буквоед» на Невском, ты же его обожаешь!

– Я… схожу, Алекс.

– Прямо сейчас! Поднимайся и отправляйся.

– Хорошо, хорошо, – бормотала Маня. – Я так и сделаю.

Он вдруг сообразил, что она его не слушает.

– Маня?

Она судорожно всхлипывала.

– Маня, что такое?

– Мы должны найти убийцу! – выпалила Маня. – Только пока не знаю как.

Алекс помолчал, а потом проговорил тихо, словно вмиг обессилел:

– Ты с ума сошла…

– Алекс, я хотя бы это должна для неё сделать! У меня же никого не осталось теперь, кроме Викуси! Вообще никого!

– Маня, – заговорил Алекс сердито. Ему не понравилось, что она сказала, будто у неё никого нет, – давай договоримся так. Ты сейчас пойдёшь – гулять, выпивать, что угодно! Главное, не сиди одна. А утром я приеду, и мы всё решим.

– Как ты думаешь, может, мне позвонить господину товарищу полковнику? В смысле, Игорю Никоненко?

– Маня, подожди! Не пори горячку! Мы всё обсудим! Слышишь? Пообещай мне, что сейчас никуда звонить не будешь и расследование своё прекратишь!

Мане не хотелось его обманывать, но всё-таки соврала.

– Обещаю, – проблеяла она.

И они попрощались.

Ещё некоторое время она перебирала карточки – «Лис», «Птичка», «Клей», Игорь Валентинович, «Чума» и так далее.

Потом поднялась, охнула от боли в спине, почесала в затылке, взлохматив и без того растрепанные волосы.

За окнами, выходящими на горящий золотом Исаакиевский собор, вечерело. В сквере было полно гуляющих.

Маня пошмыгала носом. От недавних рыданий у неё горели щёки и ломило в висках.

Что там велел Алекс?

Гулять, выпивать, в книжный магазин?..

И Маня отправилась … в сигарный клуб.

Иногда с ней такое случалось – она курила сигары и чувствовала себя при этом американской писательницей из какого-нибудь фильма восьмидесятых, типа «Роман с камнем» или «Она написала убийство».

Не столько ей нравилось курить, сколько… атмосфера.

В таких местах собиралась исключительно респектабельная публика, разговаривали вполголоса, мобильные телефоны не звонили, кормили вкусно.

Клуб на Малой Морской Маня особенно любила – должно быть, потому, что в первый раз её оттуда почти что выставили.

Впервые она увидела этот клуб в путеводителе по Питеру, и он ей страшно понравился – дубовые панели, глубокие кресла уютно потёртого бархата, камины в каждой комнате, тяжёлые столы и мягкий свет, – и потом долго его искала. Десять раз пробежала мимо по Малой Морской и всё не замечала небольшой солидной вывески.

В прихожей клуба, когда она всё же его нашла, её встретил роскошный администратор в костюме-тройке. Он был прекрасен, как сам бог Аполлон и сдержан, как британский принц.

– Вы к нам пообедать? – Тон у него был прохладный.

Здоровенная Маня Поливанова в очках, в джинсах с дырками, с портфелем на широком ремне и бультерьером на буксире не внушала ему особого доверия.

В лицо её он явно не знал.

Маня, отдуваясь – всё же она бегала по Малой Морской довольно долго, – сообщила, что пришла за своей сигарой и рюмкой порто.

– К нам нельзя с собаками, – сообщили Аполлон и британский принц в одном лице. – У нас сегодня клубный день, будут владельцы, а они вообще… не приветствуют в нашем клубе гостей… в джинсах… А у вас ещё и… собака.

Маня, развеселившись, рассказала администратору, что любые владельцы каких угодно клубов будут страшно рады её видеть у себя в гостях, а собака смирная, тоже любит порто и сигары, и как тяпнет, сразу беспробудно засыпает, её никто и не заметит.

– Только порто придётся в миске подать, – закончила она речь, – и на пол поставить.

Аполлон, надо отдать ему должное, всё понял и посторонился, пропуская её внутрь.

Маня прекрасно пообедала, посидела с сигарой, понаслаждалась обстановкой, почитала английский романчик и придумала каверзу.

Назавтра она явилась в клуб при полном параде – чёрные брюки, длинный чёрный жакет, белая рубашка. Бультерьер Вольдемар был облачён в попонку в шотландскую клетку, на шее зелёный шарф с помпоном.

Она своего добилась – Аполлон обомлел на пороге, откровенно, весело и долго разглядывал парочку, а потом объявил:

– Пять баллов!

С тех пор Маня полюбила этот клуб, и там их с Волькой тоже привечали.

И она решила отправиться туда – в конце концов, даже если она заплачет, никто ничего не заметит, столы стоят так, чтобы гости не смотрели друг другу в лица и в тарелки. И там можно сидеть сколько угодно!..

Она выбрала самый дальний столик – между окном и камином, – уселась и заказала еду, хотя есть совсем не хотелось.

…Как им с тётей было вкусно есть пышные огненные котлеты и запивать их холодным «Дом Периньоном» – и это было только позавчера!

Маня выпрямила и без того прямую спину, вытянула шею и тяжело сглотнула.

Она не заплачет.

Она просидит здесь до закрытия, будет читать, выпивать и размышлять, а потом вернётся в «Асторию» ждать Алекса. Всё равно ей сегодня ни за что не заснуть, так что лучше вот так, на людях, чем маяться в полном одиночестве в номере с разложенными на ковре карточками из тётиной картотеки!

– Добрый вечер, Марина.

Маня повернулась и обомлела.

Лев по фамилии Граф – Граф Лев – стоял у неё за плечом, слегка подавшись вперёд, к ней, очень близко. Она дёрнулась, чтоб отодвинуться, наступила Вольке на лапу, тот взвизгнул, Маня вскочила, стакан с водой опрокинулся. Лужа растеклась по столу, закапало с краёв, полурастаявший лёд заскользил в разные стороны.

– Ч-чёрт, – пробормотала Маня.

– Я вас напугал? – Лев Граф нажал кнопку на небольшом устройстве в центре стола – вызвал официанта. – Если так, прошу простить. Я не нарочно.

– Откуда вы взялись?!

Лев Граф огляделся по сторонам, словно недоумевал, откуда бы он мог тут взяться.

– Э-э-э… Зашёл с Малой Морской. Тут, как мне кажется, только один вход.

Официантка ловко и незаметно ликвидировала последствия Маниной неловкости, поставила воду, лёд и стакан.

– Разрешите мне к вам присоединиться?

Если бы Маня знала, что как только он усядется за её стол, вся жизнь изменится, причем необратимо и навсегда, она выбежала бы из клуба и мчалась бегом до самой «Астории».

Но она не знала, и судьба сделала свой выбор.

Маня сообразила только, что судьба преподнесла ей сюрприз – Лев Граф и был тем самым человеком, который приходил к Эмилии вчера. Именно из-за встречи с ним тётка услала Маню в «Асторию» и не велела возвращаться и звонить – чтобы не помешать и не «сбить настройки»! Именно он мог быть последним, кто видел Эмилию живой!

Или он убийца. Такое тоже возможно.

Только вряд ли преступник на другой день после убийства станет разгуливать по сигарным клубам!

Впрочем, писательница Марина Покровская разбиралась только в выдуманных, литературных преступниках – и ничего не понимала в настоящих…

– Как назло я опять без книги! Чем вы так озабочены, Марина?..

Маня быстро на него взглянула, пытаясь определить, похож ли он на убийцу, и не определила.

– Вы вчера были у тёти?

– Да, конечно. Мы ведь с ней договаривались при вас. А что такое?

– В котором часу вы ушли?

Лев слегка улыбнулся:

– Почему вы спрашиваете?

– Отвечайте мне!

Он удивился.

– Около шести часов. Эмилия устала, и мы расстались до… следующего раза.

– Она сама закрыла за вами дверь?

– Больше никого не было. – Лев всё сильнее удивлялся. – Поэтому – да. Сама.

– И заперла?

– Марина, что происходит? Вы репетируете сцену допроса для вашего романа?

– Тётю убили, – мрачно сказала Маня. – Вчера вечером. Сегодня утром я её нашла. Я вернулась и… нашла её… И шнур от лампы, которым её задушили… И… я… теперь должна найти убийцу.

Тут на неё опять накатило – стало тяжело дышать, застучало в висках, подступила тошнота, а ноги стали ватными.

Маня схватила стакан и стала пить, давясь и проливая воду на футболку.

Лев смотрел в сторону и молчал, давай ей время справиться с собой.

Маня допила, утёрла лицо салфеткой, смахнула капли с груди и шеи. И пробормотала:

– Можно смотреть.

Лев повернулся.

– У полиции есть версии?

– Если есть, они со мной не делились. Но, кажется, они думают как и я – это кто-то из тётиных… посетителей. Вчера у неё был единственный клиент – вы.

– Я Эмилию не убивал.

– Зачем вы к ней приходили?

– По делу.

Маня опять взглянула на него:

– Не скажете?

Он покачал головой.

– В любом случае придётся сказать! Не мне, так полиции, когда она вас разыщет.

– Посмотрим, – проговорил Лев после недолгой паузы. – Давайте поужинаем, Марина. Вы… собираетесь ночевать в квартире вашей тёти?

– В «Астории» я собираюсь ночевать, – сказала Маня. – Из квартиры меня выставили. И двери опечатали.

О том, что бумажку с печатью она сначала отковырнула, а потом прилепила обратно, Маня умолчала.

Нужно было как-то приступить к расследованию, а как именно, Маня понятия не имела.

– Вы из Нью-Йорка? Мне тётя говорила!

– В данный момент да, оттуда.

– И знаете этот сигарный клуб?.. Его вообще-то стараются не рекламировать, чтобы лишние люди не набежали.

– Ну, я же не в первый раз в Петербурге, Марина. Я многое тут знаю.

– А тётю Эмилию откуда узнали?

Лев опять немного помолчал.

– Нас с ней познакомил общий приятель.

– Зачем?

Лев Граф позвонил официанту.

– Давайте всё же пообедаем.

Маня, не глядя в меню, попросила салат и кофе.

Что спросить, чтобы он ответил? Как спросить, чтобы он выдал себя?

Ну, если он преступник!..

Маня вновь посмотрела на него: короткие светлые волосы, плотные, словно бобровая шкура, небольшая бородка, значительно темнее волос, тонкий нос, крепкая шея в вороте белоснежной рубашки. Пиджак он снял и отдал официанту не глядя, просто протянул руку – жест человека, привыкшего, что ему прислуживают. Преступники бывают такими?..

Эмилия сказала: если он тебя куда-нибудь пригласит, сходи. А Маня ответила, что это глупости и выдумки.

Но вот же они сидят вдвоём за столом! Значит, тётка что-то знала?.. Заранее видела?

Так не бывает. Дар ясновидения – это просто обман и надувательство!

– Вы верите экстрасенсам, Лев? – спросила Маня, как только официантка отошла.

– А вы нет?

Маня покачала головой.

– Это же сплошное мракобесие.

Тут Лев сказал непонятное:

– Чтобы мракобесия стало меньше, нужно квантовую механику начинать преподавать с первого класса. Послушайте, Марина. Вы на самом деле хотите… найти убийцу?

– Да. Я должна.

– Вовсе нет. Искать должны правоохранительные органы, а вы – только ждать результатов. Вы живёте в Питере?

– В Москве.

– Вам нужно уехать в Москву. Вы затеяли опасное предприятие, Марина.

Маня упрямо покачала головой.

– У меня были две тёти, а осталась одна. Вы не понимаете! У вас много родственников?

Лев улыбнулся – ах, какие зубы, загляденье!

– Даже некоторый избыток.

– Ну вот! А у меня только что убили тётю, и мы с другой тётей остались одни на свете! Господи, как она там? Я ей звонила, но, представляете, сейчас даже не могу вспомнить, что говорила! – Маня сглотнула слёзы. – Господи, Господи, что с ней будет, с Викусей? Но там с ней Алекс…

– Алекс – ваш муж?

Маня немного подумала.

– Ну… да…

Она вовсе не была уверена, что Алекс её муж.

Какой ещё муж? Он – великий писатель Александр Шан-Гирей. Будущий Нобелевский лауреат. Национальное достояние.

– Послушайте меня, Марина. Ваша тётя была человеком… особенным. Во всех отношениях. И – простите меня за такие слова – убили её неспроста. Понимаете? Вам нельзя оставаться в городе. Убийца наверняка знает, что вы ближайшая родственница Эмилии, и вы можете оказаться в опасности.

– Я никак не участвовала в её делах.

– Вы же присутствовали на приёме!

– Всего несколько раз!

Лев Граф разлил по запотевшим стопкам ледяную тягучую водку.

– Давайте выпьем.

Оказывается, он заказал водку в графинчике, аппетитное до невозможности розовое сало, форшмак, куриный паштет с горячими гренками и изрядный кус салата «Мимоза» – полный набор!.. Не хватало только солёных огурцов, но их вскоре принесли.

Кажется, под Маниным взглядом Льву на секунду стало неловко. Он уронил салфетку, нагнулся поднять, Волька вскочил и зарычал спросонья. Маня полезла под стол, чтобы успокоить пса.

Как только она села прямо, Лев подал ей стопку и распорядился:

– Тост произносить не будем.

И они синхронно махнули водку.

– Может быть, заказать чего-нибудь другого? Закусить?.. – заботливо поинтересовался Лев Граф. – Здесь прекрасные пирожки с мясом и капустой. И дивные шпроты, таких давно нет. Не знаю, где они их берут. Заказать?

Маня покачала головой.

– Когда вы были у Эмилии на приёме, ей никто не звонил? И посылок не приносили?

Лев налил ещё по стопке и положил себе на тарелку гренку с паштетом.

– Марина, – сказал он проникновенно. – Бросьте это ваше доморощенное расследование. Вот прямо сейчас.

– Нет. Я всё узнаю. Я упрямая.

– Я понял.

– Самое главное, установить мотивы. Вот, например, какой может быть мотив у вас?

– Какой угодно, – быстро сказал Лев. – Это не так-то просто – установить мотивы. Вы же пишете детективы, Марина! Вы должны понимать, что в книгах всё совсем не так, как в жизни. Оставьте расследование профессионалам. Пишите книги, а то совершенно нечего читать.

Он отвлёк её очень ловко. Как только речь заходила о книгах, Маня забывала про остальное.

– Как это – нечего читать? – возмутилась она. – Сколько книг выходит, и хороших! И писателей отличных много!

– Например?.

– Александр Шан-Гирей, – выпалила Маня. – Один его «Запах вечности» можно перечитывать сто раз, и каждый раз по-новому.

– Не читал, – признался Лев Граф.

– Ну, так прочтите!

– Э-э-э… – Он улыбнулся. – Не стану.

– Почему?!

– У меня ещё греки не все читаны, – объявил Лев. – До Шан-Гирея дело не скоро дойдёт. А жизнь коротка.

Маня смотрела на него довольно злобно.

– Я люблю детективы, – продолжал Лев. – Всей душой. Обо всём остальном мне есть что почитать и без современной прозы. Только вы не обижайтесь, Марина! Вот хотите, я не сходя с этого места предложу вам роман современного большого писателя?

– Вы?! Роман?!

– Иванов живёт небогато, – начал Лев. Глаза у него смеялись. – Иванов от сохи. Когда-то его звали Иван, но теперь он в основном пашет. В поле пашет. Это такая работа. Пахать на пашне. Поэтому он просто Иванов. Маленький человек. Отдал свою шинель капитану Тушину. Капитан Тушин участковый, а шинель – взятка. Теперь Иванов работает в поле голым. В одном только футляре. Так он называет свитер, который ему связала Иванова. Иванова – жена Иванова. Имени ей не положено, зачем приличной замужней женщине имя? Она завхоз. Обычные

россияне. Но вот о чём Иванов не догадывается – его Иванова на самом деле хозяйка БДСМ-борделя. Он узнаёт об этом и кончает самоубийством.

Примерно с капитана Тушина и шинели Маня начала морщиться и насупливать брови, чтоб не засмеяться, но когда Иванов покончил самоубийством, всё же засмеялась.

– Я люблю, когда сначала подлый преступник отравляет жизнь хорошим людям, а потом его убивает киллер, который в принципе устраняет только плохих, – продолжал Лев. – В этом я не вижу подвоха, попытки меня… надуть. Выдать ординарный текст за большую философию. Детективы не врут и не прикидываются великой прозой.

– Вы правы, – кивнула Маня, совершенно не собираясь с ним соглашаться.

– Так что напишите хорошую книжку всем нам на радость, – заключил Лев Граф. – А искать убийцу бросьте.

Посмотрим, что ты запоёшь, когда я узнаю, кто ты такой и что именно делал на приёме у тёти, медленно подумала Маня. Сейчас выведать ничего не удалось, но у меня в запасе всегда остаётся господин товарищ полковник Никоненко с его «базами данных», осведомителями и профессионализмом.

Чувствовала она себя как-то странно. Мысли были вялыми, рыхлыми, очень хотелось спать.

Это от стресса, определила Маня. Хорошо, что до «Астории» два шага.

Её собеседник ещё что-то говорил, Маня не могла разобрать, что именно. Главной задачей было не заснуть прямо здесь и не свалиться под стол.

– У меня где-то здесь сумка, – выговорила она огромными непослушными губами сквозь шум в голове. – И собака. Вы нас не проводите? Я очень устала.

Лев медленно, страшно медленно начал подниматься из-за стола, мир как-то сдвинулся, поехал, стал растягиваться, и Маня поняла, что она Кот в сапогах в замке у Людоеда.

Больше она ничего не помнила.

– Чик-чирик! Чик-чирик! Чирик-чирик!

Маня открыла глаза.

По потолку бродили голубые тени и отражения, словно от близкой воды. Чирикала весёлая птичка.

Где я? Что со мной?..

Маня повернула голову и посмотрела сначала в одну сторону, а потом в другую.

Совершенно незнакомая комната. Что это может быть? Больница? Непохоже! Гостиница? Это точно не «Астория»!

Маня подтянулась и рывком села.

Плед, которым она была накрыта, поехал и бесшумно свалился на пол, но тут же подскочил и рванулся в сторону.

– Волька! – позвала Маня шепотом.

Плед замер.

Маня вскочила, откинула плед и обняла собаку.

– Волька. – Она заглянула в маленькие собачьи глазки. – Где мы?!

Пёс лизнул её и принялся вскидывать передние лапы ей на колени.

Что вчера было? Тётя погибла, квартиру опечатали, но Маня туда всё же вернулась. Ольга соврала, что накануне к Эмилии не приходила. Картотека, странные прозвища. Потом сигарный клуб и…

Ну, конечно! Лев Граф!..

Главный подозреваемый!

Маня глубоко вздохнула, ей стало страшно.

Но что могло с ней случиться? Она потеряла сознание? Прямо там, в клубе? И что произошло потом?

– Здесь кто-нибудь есть? – негромко спросила Маня, и ей не понравился собственный голос, заискивающий какой-то. – Алё! Алё!

…Вот тебе и алё!..

Она выпила вчера только одну стопку водки, совершенно точно! И сегодняшнее утреннее состояние вовсе не было похоже на похмелье! Несколько раз за жизнь Маня напивалась и знала, что бывает по утрам – конец света и желание немедленно самоубиться, как Иванов из придуманного Львом романа!

Нынешним утром Маня была бодра и свежа, и голова не болела, и пить не хотелось! Она прекрасно помнила все вечерние события – до определённой точки, а дальше ничего, белый шум.

Маня подняла с пола плед, швырнула его на диван и осмотрелась.

Комната как комната, окно распахнуто настежь. Маня выглянула. Под самой стеной цвели пышные гортензии, дальше были кусты и несколько молодых, аккуратно подстриженных лип, за которыми чувствовалась большая вода, то ли залив, то ли река.

– Волька, где мы?!

Бультерьер замахал коротким хвостом, фыркнул и немного побегал кругами – это означало, что ему нужно пройтись и уже хорошо бы завтракать.

Маня сунула ноги в «мюли», которые валялись около дивана – спала она в футболке и джинсах, – и отправилась искать выход на улицу.

Они обошли дом, оказавшийся довольно большим. Все входы и выходы были заперты.

– Алё! – сердясь от всё возрастающего страха, громко крикнула Маня. – Где хозяева?! Двери откройте!

Ничего и никого.

Может, она в плену?..

Мане стало жарко.

Да нет, плен таким не бывает. Плен бывает в сыром подвале, или в заколоченном сарае, или уж на худой конец в гадкой квартире с матрасом на полу и миской баланды на табуретке!

Маня нервничала всё сильнее.

Может, это и не плен, только выбраться отсюда она не может!

Телефон? Алекс? Господин товарищ полковник?

Маня ринулась к дивану, на котором спала, обшарила карманы толстовки, вытряхнула всё из рюкзака и нашла телефон! Он мирно лежал, где всегда – в наружном кармане под молнией.

Лежать-то он лежал, но… не работал.

Маня ничего не поняла.

«Вставьте симкарту», – велел ей аппарат. Маня потрясла его, подула и на всякий случай заглянула в порт для зарядника и ещё какие-то дополнительные отверстия непонятного назначения.

Она совершенно не разбиралась в современных девайсах! Она обожала их… как «идею», как давеча выразилась управляющая магазином.

«Идеи» Мане очень нравились – красивые картинки, фильмы и лекции Паолы Волковой и Наталии Басовской в любое время, можно в электронке почитать, если под рукой нет нормальных, в переплётах и на бумаге!.. Радио «Арзамас» опять же, музыкальные подкасты – отличная штука!..

Терпеливо разбираться в гаджетах – устанавливать приложения, прикладывать пальцы для отпечатков, медленно крутить головой для распознавания физиономии, вводить пароли, а потом ещё держать их в голове, запрашивать какие-то серверы, искать потерянные данные – Маня решительно не желала.

За неё всё это делал Володя Береговой, начальник IT-отдела в Манином родном издательстве и по совместительству муж Маниной родной редакторши Кати Митрофановой. Он «переезжал» из старого Маниного телефона в новый, из ноутбука в ноутбук, ставил приложения, подключал сервисы и всякое такое, так что проверить наличие или отсутствие в телефоне симкарты Маня не умела.

Вариантов два – или телефон вот так подло вышел из строя, или его вывели специально, чтобы Маня не смогла позвонить.

Значит, всё-таки плен. Двери на замке, связи нет.

Маня стиснула кулаки. Ладони были влажными.

В сложные жизненные моменты, когда становилось по-настоящему больно или страшно, в добродушной, близорукой, немного неуклюжей Мане просыпался… боец.

Она чувствовала нечто вроде «врёшь, не возьмёшь!» и действовала по наитию, иногда совершенно безрассудно.

Она кое-как запихнула всё в рюкзак, прицепила его на плечо, схватила Вольку на руки и помчалась в подвал – в доме он был, она видела лестницу вниз. Вылезать из окна на первом этаже показалось высоковато.

Маня спустилась, постояла, прикидывая, где тут может быть помещение с окном, не сообразила и стала открывать все двери. В одной из комнат – ура! – действительно нашлось окно, довольно высоко под потолком, зато вполне приличное, пролезть можно.

Писательница Марина Покровская поискала, на что бы такое встать, подволокла к стиральной машине большой пластмассовый таз, забралась на машину, с трудом расшатала шпингалеты и распахнула створки. Прямо перед её носом оказалась серая садовая плитка. Маня вытолкнула наружу рюкзак, спустилась за Волькой – он ничего не понимал, сопротивлялся и вырывался, но Маня и его пропихнула на улицу, а потом выбралась сама, с усилием перевалившись через раму.

Вскочила, подхватила собаку и сиганула в ближайшие кусты.

Если она в плену, значит, должны быть сторожа!

И немного отдышалась.

В висках стучало.

Они сидели в кусте смородины, одном из многих, здесь была целая смородиновая аллея. За спиной – Маня оглянулась – густые колючие заросли малины. Справа, кажется, беседка или навес, отсюда не разглядеть, слева деревья и какое-то сооружение с красной черепичной крышей.

…Что делать дальше?

Есть сторожа или нет?

Маня ещё немного посидела, обливаясь потом – было очень жарко, – потом осторожно выглянула, стараясь выискать калитку или прогал в заборе, но ничего такого не обнаружила.

Волька вопросительно смотрел на неё крохотными свинячьми глазками.

– Ищи выход! – шепотом велела ему Маня. – Где выход?!

Пёс словно этого ждал! Он ринулся вбок, вдоль смородины, загребая короткими упористыми лапами и сильно натягивая поводок. Маня, не решаясь встать во весь рост, поползла за ним на четвереньках. Они промчались по смородиновой аллее. Рюкзак съехал Мане на затылок и больно бил по шее, бегать на четвереньках она не умела, пёс тянул.

Он привёл хозяйку прямиком к дырке в заборе. Здесь сетка была отогнута и подвёрнута, словно в дырку много раз лазали.

Маня тоже пролезла, сильно ободралась, зашипела от боли, вскочила на ноги и помчалась.

С левой стороны сверкала большая вода – кажется, всё-таки залив, – справа были огороженные участки, а Маня всё мчалась. Только добежав до какой-то лужайки, она перешла на шаг.

Кажется, выбрались!..

Маня с трудом дышала и вытирала лоб сгибом локтя.

Только вот… где они? Как узнать?

Она вытащила было телефон, чтоб включить навигатор, и с досадой засунула его обратно – от него никакого толку!..

Заборы, мимо которых она пробежала, были роскошные, «миллионные», как определила для себя Маня. Решиться и позвонить в калитку?

Впереди на дороге замаячил велосипедист.

Маня бросилась было прятаться в кусты, но сообразила, что одинокий велосипедист не может быть уж слишком опасным.

– Извините, пожалуйста!

Если бы только Маня Поливанова знала, в какую сторону повернёт судьба после того, как она решится окликнуть человека на велосипеде, она бы сто раз подумала! И, возможно, всё сложилось бы иначе…

Но она окликнула.

Велосипедист подъехал поближе и оказался авантажной дамой средних лет. Та подрулила к Мане и лихо соскочила с седла.

– Вы не скажете, где мы находимся? – умоляющим голосом начала Маня. – Я… гуляла и заблудилась.

Если дама и удивилась, то виду не подала.

– Вот эта улица называется Приморская аллея.

– А… город где?

– Город? – переспросила дама. – Какой город?

– Петербург, – обреченно вымолвила Маня.

Дама немного поразглядывала её – грязные джинсы, расцарапанные руки, футболка в пятнах – и вдруг объявила:

– Я вас знаю! Вы писательница Покровская! Сегодня на втором канале я смотрела передачу, где вы рассказывали, как начали писать и где берёте сюжеты!

Маня, ненавидевшая оба эти вопроса лютой, неподдельной, жгучей ненавистью, так обрадовалась, заслышав их, что засмеялась от счастья.

– Это я! – воскликнула она ликующим голосом. – Я писательница Покровская!..

– А я большая ваша поклонница, – объявила дама. – Особенно люблю роман «Большая четвёрка»! И «Всё ничего», конечно!

Маня совершенно потерялась от счастья.

– Так вы города перепутали, Марина? Здесь Петербург вокруг, вы на островах. Вон там Крестовский, а дальше Каменный. Самый центр!

– Господи помилуй, – пробормотала Маня. – Как я сюда попала?

– Всякое бывает. – Дама засмеялась. – А куда вы шли? Когда попали сюда?

– В «Асторию», – призналась Маня.

– О, это совсем даже неблизко! Какая у вас милая собака.

– Да? А все говорят, на свинью похожа.

– Немного есть, – согласилась дама. – Если хотите, муж вас подвезёт. Он как раз собирается поехать по делам. Вон наш дом. Хотите?

Ещё бы Маня не хотела!

Новая знакомая весело болтала о чём-то приятном и не требующем ответа, до дома было рукой подать, и Маня успокоилась немного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.